

12+

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА

ЛитРес: Самиздат

Целестина

Александр Накул

Александр Накул Целестина

Серия «Берестейские хроники», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65300521

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-92795-7

Аннотация

Странные дела творились в ещё польском Бресте перед началом Великой Отечественной. Некая генеральша Крашевская из польского квартала преуспела в алхимии, регулярно репетирует собственные похороны и, как говорят, держит в руках все нити управления городом. Её воспитаннице Целестине предстоит узнать, что стоит за этими слухами. Уцелеть в городе, где трижды меняется власть. И решить, до какого предела должен дойти ужас, чтобы она решила взяться за магическое оружие.

Содержание

Часть I. Под красной звездой	6
1. Как хоронили генеральшу Крашевскую	7
1	7
2	13
3	15
4	18
2. Из Красной Земли	27
1	27
2	32
3	37
4	43
3. Сопротивление	47
1	47
2	50
3	54
4	58
5	63
6	67
7	71
4. Как Цеся училась летать	77
1	77
2	80
3	82

4

85

5

89

Конец ознакомительного фрагмента.

90

Александр Накул

Целестина

Русская земляха
Со мною говорит:
«Сыграй, сыграй мне Баха!
Взорви, взорви Уолл-стрит!»

Раю ты мой, раю,
Горний крин в хлеву!
Баха не сыграю,
Но Уолл-стрит – взорву!

Шии Брянский

Часть I. Под красной звездой

22 сентября 1939 года – 22 июня 1941 года

1. Как хоронили генеральшу Крашевскую

1

В тот день старая пани Анна Констанция, вдова генерала Крашевского, решила устроить очередную репетицию своих похорон. На памяти Целестины, её двоюродной внучки, эта репетиция была уже четвёртой. Так что девушка начала привыкать. Когда исполняется пятнадцать, человек ещё сохраняет этот талант: привыкать, но продолжать удивляться.

А взрослые соседи уже давно привыкли – судя по тому, что, несмотря на переполох у дома Крашевских, в остальных особняках колонии имени Нарutowича царило привычное, немного чопорное спокойствие.

...Серьёзные историки, озабоченные фронтами и танковыми дивизиями, тоже игнорируют выходки старой вдовы неизвестного польского генерала Крашевского. Их больше интересует, кто был тот единственный красноармеец, пострадавший, когда в сентябре 1939 года Красная Армия вступила в Брест, за неделю до этого занятый немцами. До сих пор они ищут в архивах чудом уцелевшие бумажки – хотя в знаменитом жёлтом особняке Крашевских, с его изогнутой на китайский манер крышей и круглыми окнами на вто-

ром этаже, творились куда как более интересные дела.

Генеральша Анна Констанция была одним из старожилов аристократического района старого Бреста-над-Бугом. Сейчас от него остались одна улица Леваневского и несколько домиков по соседству. А в историю этот район вошёл как Три Колонии – причём Колония имени Нарutowича считалась самой престижной.

Бойкая, богатая и уже тогда пожилая пани генеральша поселилась в Бресте-над-Бугом невероятно давно, в конце двадцатых годов, когда город только-только стал польским. Она ещё помнила те времена, когда на улице Люблинской Унии (теперешняя Ленина) дома стояли только по правой стороне, – да и те, надо сказать, неказистые. А на другой стороне улицы и вовсе не было ничего. Только огромный, поросший чудовищным бурьяном пустырь до самой крепости. Без единого деревца или хотя бы кустарников, чтобы не мешать артиллеристам работать.

Знающие люди называли такое пространство «эспланадой». А ещё они говорили, что в условиях современной войны эспланады практически бесполезны – как, собственно, и сама крепость. В этом бесполезном поле торчали чёрные палки межевых столбов и медленно вращались в землю редкие гарнизонные пакгаузы, похожие на уснувших гигантских бродяг.

Но уже в те времена, как гордо рассказывала пани Крашевская, никто не сомневался – город навсегда останется

польским. И жить здесь надо достойно.

В начале 1920-х Брест назначили столицей Полесского воеводства. На деревянный вокзал прибывали с западных городов амбициозные молодые чиновники – чтобы обнаружить, что жить и работать толком негде.

Прославленный варшавский архитектор Юлиан Лисецкий взялся исправить положение. Он решил построить для новых брестчан особняки, чтобы жить, и здания контор, чтобы расти по службе. Когда очередной назначенец с запада приезжал сюда, в глухой деревенский край, – он должен был почувствовать себя не изгнанником, а хозяином этих окружающих город полей, рек и болот. А местным жителям полагалось при первом взгляде на административную роскошь невольно ощущать своё ничтожество и стягивать с головы бесформенную шапку.

Сначала строили напротив снежно-белых башен старого костёла. Ещё одна архитектурная знаменитость, Станислав Филасевич, спроектировал управу Полесского воеводства, филиал Центрального банка Польши и Контрольно-ревизионную палату. Эти здания стоят там по сей день, только учреждения поменялись.

А потом, когда у бульвара наконец-то появилась другая сторона, пан Лисовский взялся за жилое строительство. На косом четырехугольном пустыре между крепостью, Кобринским предместьем, филиалом Центрального банка и городским Парковым садом решили выстроить небольшой го-

род-сад для важнейших чиновников и наиболее уважаемых горожан. Для перворанговых – каменные дома, начальникам канцелярий – кирпичные, а канцеляристы и в деревянных поживут.

Каменные особняки спроектировали в стиле нео-барокко и даже с колоннами, подражая стилю магнатских усадеб. А деревянные дома – в стиле «закопанских» особнячков в карпатских Татрах, которые так часто попадают на поздравительные открытки. И деревянные дома внушали не меньше уважения, чем кирпичные – ведь они стояли на высоком фундаменте из колотого камня, а крутые крыши покрывали первосортными еловыми пластинами.

Одним словом, район получился что надо. Когда оказываешься на улице Пулавского, то тебя обступают все эти старинные особняки, и в каждом из них хочется жить.

А дальше, за колонией Нарутовича, находилась деревянная громадина стадиона имени Пилсудского. К нему прилепились две колонии поменьше. Тамошние дома были на две-четыре квартиры, каждый по отдельному проекту. На тенистых улочках можно было отыскать и двухэтажные дома на четыре квартиры, и особнячки в стиле арт-нуво с лепниной и палисадником. Попадались и симпатичные кубы в духе модного тогда функционализма – и даже они были на своём месте.

Но лицо квартала переселенцев – всё-таки колония имени Нарутовича. Нарядные двухэтажные коттеджики с мезо-

нинами прятались в зелени садов, отгороженных от улицы высоченными коваными оградами. На аккуратной и единственной улице Пулавского звучала исключительно польская речь. Возле колонн двухэтажного офицерского казино дежурили извозчики в начищенных сапогах. Рядом – Парковый сад, за его деревьями гудели невидимые поезда.

До вокзала можно было без труда дойти пешком. Но никто из жителей колонии имени Нарutowича так не поступал. Это было против их шляхетного гонора.

По замыслу пана Лисецкого, престижные колонии были отделены от рабочих кварталов и узких улочек еврейского гетто зелёными зонами и лентой железной дороги. Так что у городского быдла не было даже повода шляться по тихим улочкам, где растят своих детей уважаемые люди.

Особняк генерала Крашевского, чья роль в мировой истории доселе никому не известна, строили одним из первых. Достаточно повернуть возле Народного Банка и пройти десяток шагов – и увидишь эти чуть изогнутые стены, нарядную красную крышу, круглые окна на втором этаже.

Хозяйничала здесь генеральша. Старый генерал умер давно, где-то в середине тридцатых годов, но пани Анна Констанция ухитрилась сохранить дом за собой. Старая генеральша уже достигла того возраста, когда женщину интересует только чистая власть, без всякой бижутерии вроде любви и поклонения. Поэтому она хотела быть поближе к местам, где эта власть кипит. Для неё очень важно было жить

по соседству с управой Воеводства.

Конечно, с её состоянием можно было обустроиться и в столице. Но переезжать в Варшаву Анна Констанция отчего-то не желала. Когда её спрашивали, почему она не приедет в столицу и не наведёт в государстве порядок, она объясняла это тем, что пан президент Мосцицкий и так дурак дураком, а на её фоне и вовсе идиотом покажется.

Какая тайна на самом деле стояла за нелюбовью генеральши к столичной жизни – не удалось выяснить никому. Даже Целестине. Единственное, что получилось разузнать, – слуги тоже не знали разгадки.

А ещё никто не знал, сколько лет генеральше на самом деле. Хотя и было очевидно, что сохранилась она на совесть. Хитрая и упрямая старуха цепко держалась за жизнь. Всегда в старинном платье по моде времён её молодости, заказанном у лучшего городского портного Шаца, она по-прежнему жила в своё удовольствие. Гонялась с палкой за слугами, ходила на своих двоих в белый костёл напротив Управы Воеводства, принимала гостей из городских чиновников, что жили по соседству, играла в карты, пополняла библиотеку диковинными книгами в кожаных переплётках, изданными в Амстердаме и вольном городе Данциге, сплетничала, плела интриги, помогала росту карьер и их угасанию. И, по мнению многих, всё больше и дальше сходила с ума.

Но никакие выходки не колебали её влияния на городское общество Бреста-над-Бугом. Совсем напротив – тонкий

бледный рот на морщинистом лице в окружении чёрных колец парика мог смело говорить всё, что думает. В выражениях генеральша стеснялась ещё меньше её покойного мужа, и все только кивали – значит, имеет право, значит, власти у неё достаточно.

Многое, очень многое решалось в гостиной на первом этаже её добротного жёлтого особняка с высокими окнами, распахнутыми настежь по случаю летней жары, за картами, пивом и бутербродами с шестью видами крестьянской колбасы и сыра...

Вот почему недавняя смена власти порядком её смутила. Пани Крашевская чуть не дошла до того, чтобы читать газету за утренним кофе. И только в последний момент её повар, потомок литвинских рыцарей Алесь Бзур-Верещака, успел напомнить встревоженной старухе, что редактора «Брестского ежедневника» назначили именно по её протекции и ничего умного этот лоботряс всё равно не напечатает...

2

Тем временем по тихим улочкам трёх колоний продолжали ползть мрачные слухи. Никто не мог понять, с чего вдруг пришла беда.

Жили как жили, пережёвывали слухи из далёких столиц и были уверены, что большевики урок усвоили, будут засылать шпионов и диверсантов, но атаковать солдатами не

рискнут. Но тут внезапно на Вторые Польские Республики напали немцы, с которыми ещё вчера были в союзниках.

Сперва казалось, что армия устоит. Немцев сдерживали где-то на западе, правительство обещало бомбить Берлин и в ближайшее время перейти границу... Но потом раз – и эти же самые немцы появились здесь же, на городских улицах. А польский гарнизон, который так сверкал на балах и парадах, загнали сначала в крепость, а потом куда-то за мост, в Тересполь, где они и сгинули.

Администрация в стране была теперь оккупационная, польского не знала и не понимала местных дел. Чиновники из колонии Нарutowича тоже мало что понимали. Единственное, что знал каждый, – его сосед тоже продолжает состоять на службе и выполнять обязанности, как при старом режиме. Власть пришла новая, но город стоит на прежнем месте, и кто-то должен заведовать всеми делами.

И каждый понимал, что всё это ненадолго. Что если рано или поздно начнётся чистка? А куда податься, если вдруг тебя вычислят? Это совершенно непонятно никому из жителей колонии Нарutowича.

От родственников с запада не было ни слуху ни духу. И удивляться тут нечему. С тех пор как война началась, почта ходит через пень-колоду, а гражданские телефонные провода перерезаны с того дня, как эти недоумки отступали из крепости. Связь голосом теперь только у немцев, но они чужих не пускают...

Генеральша Крашевская жевала губами, просматривала старые письма и делала вид, что она просто бездетная богатая старуха, которой ни до чего нет дела. Её деньги были в сохранности. Но утрата влияния испугала и её. Это было особенно заметно по тому, как часто она теперь репетировала свои похороны.

3

Очередная репетиция похорон выпала на влажный, но ещё по-летнему тёплый сентябрьский день. Из открытых окон кухни валил ароматный дым и доносилось ворчание шляхетного повара Алеся Бзур-Верещаки. А перед домами уже ожидал катафалк, запряжённый на старинный манер вороной лошадкой. Кучер в таком же чёрном и лоснящемся цилиндре прохаживался рядом. У кучера был такой серьёзный вид, словно это он тут хозяин и это его сейчас повезут хоронить.

Слуги расступились, пропуская похоронную команду. Дюжие помощники топали в особняк, оставляя пахучие следы на чёрно-белой шахматной плитке пола. Хозяйка уже в открытом гробу, сложила руки на груди и прикрыла глаза.

Бзур-Верещака высунулся в окно и, пока голубцы томятся, начинал давать советы. Помощники, даже не прислушиваясь, выносят гроб и водружают его в кузов. Украшенные фигурной ковкой борта катафалка удивительно гармониро-

вали с таким же стилем ковки на ближайших оградах.

Пока помощники возвращаются за крышкой, которая всё равно не понадобится, на похоронный экипаж забираются горничная, долговязый кузен Андрусь и сама Целестина.

Всё, все расселись. Можно трогаться! Горничная Ивонка достала белоснежный платочек и начала вытирать под правым глазом.

Бзур-Верещака оставался за старшего. Он в доме не только повар, а ещё и за дворецкого. Потомку литвинских рыцарей приказано проследить, чтобы, пока все хоронят, бедные гимназисты и наглые бродяги не нагрязнили в дом, почувяв дармовую поминальную трапезу.

А катафалк уже миновал Госбанк и оказался на площади перед Управой Воеводства. К костёлу не поворачивали – ксёндз Фабиан, при всём уважении к пани генеральше, попросил не привозить ему больше фальшивых покойников.

Так что погребальный поезд должен повернуть в другую сторону и двинуться по грунтовке вдоль железной дороги. Возле гимназии имени Траугутта, где учится Целестина, они делали поворот и дальше ехали уже по мощёной дороге – до самого католического кладбища. Того самого, большого и престижного, что напротив нарядных особнячков еврейской Колонии Варбурга.

Там карета останавливалась перед запертыми воротами. Уже привыкший к этим визитам сторож выходил к ним, снимал картуз, но не открывал кованых створок, а только кре-

стился.

Катафалк как ни в чём не бывало разворачивался и вёз генеральшу обратно. Весь этот путь Крашевская проводила в гробу, не шевелясь, с серьёзным бледным лицом и в парадном траурном платье. Так что случайный прохожий наверняка решил бы, что она и вправду мёртвая.

Наконец, её гроб вносили в столовую и ставили на пол. Пани генеральша чинно поднималась, одёргивала юбку, садилась к столу и начинала с аппетитом есть кутью из пшеничных зёрен, мака, орехов и мёда.

А Бзур-Верещака объяснял ошалевшей похоронной команде, что кутья – это уникальное блюдо, его готовят на поминки только в Кресах Восточных. Потому что это не католическое кушанье, а православное и пришло из Греции. Уже много позже, когда многие из местной шляхты отошли от раскола и сделались добрыми католиками, кутью стали есть и на поминках Церкви Вселенской и Католической...

Целестина тоже с удовольствием уплетала кутью и размышляла, как сделать так, чтобы есть её почаще. Кутья была настолько вкусная, что её не могли испортить даже эти утомительно подробные лекции.

Вот бы умер кто-нибудь из чиновных стариков, важных и бесполезных, которые приходили порой к бабушке решать свои унылые вопросы! Всё равно при немцах они ничего уже не решают. А так – хоть кутьи на похоронах поедим.

Например, вот эти вот охламоны из похоронной команды

– они пусть и из местных свинопасов и выглядят в своих костюмах не лучше, чем деревенское пугало, – а всё равно едят кутью каждый день. Потому что прошла пусть короткая, но война и хоронили в городе много...

Однако уже ближе к ужину искушение погребальным столом проходило. Бзур-Верещака обязательно стряпал что-то настолько вкусное, что Целестина даже забывала про кутью – и не вспоминала до следующих похорон. На таких харчах она была готова жить вечно, как тибетские монахи из французских романов.

...Но в этот раз случилась заминка. Катафалк, как положено, добрался до здания банка – и остановился.

Дальше прохода не было. По улице Люблинской Унии, мимо Народного Банка и Управления Воеводством, маршировали солдаты.

4

Немецкие солдаты были как на картинках – в новенькой форме и сверкающих чёрных касках. Каски похожи на только что вымытые виноградины. Их было так много, что становилось не по себе. Целестина, конечно, не раз видела немецких солдат в городе, но они до сих пор казались ей жуткими чужаками.

За солдатами по шестиугольным плиткам мостовой катились лёгкие танкетки. Среди танкеток были заметны и поль-

ские – захваченные в крепости, с торопливо нарисованными чёрными крестами.

А на другой стороне улицы, где, как и прежде, стояли одноэтажные деревянные домики, уже собрались местные жители. Это был тот самый простой народ, который вышел из деревень, чтобы работать на городских фабриках, – в неказистых чёрных костюмах из магазина готового платья, белых кепках и лубяных лаптях вместо сандалий. На лицах отражалась странная смесь из удивления, надежды и отчаянья.

Редкие полицейские пытались оттеснить людей обратно в палисадники. Народу пришлось много, как на демонстрацию. Похоже, в городе знали, что здесь происходит, и успели разобраться в этом событии куда лучше, чем те, кто жил в особняке генеральши Крашевской.

– А по какому поводу шествие? – нахмурилась Целестина. Она оглянулась в сторону Андруса, но двоюродный братец хранил молчание.

– Сегодня День святого Фоки, – проявила осведомлённость горничная Ивонка. – А ещё – память целиком умученного Фиваидского легиона.

– Что-то эти солдаты не похожи на Фиваидский легион, – заметила Целестина.

Пока бабушка лежит в гробу, Целестина могла едко шутить за двоих. И это у неё неплохо получалось.

– Они, эти немцы, новое государство строят, – предположила Ивонка. – Может, у них там новые праздники? Или но-

вые мученики?

– А кто это на мосту? – спросила Целестина, повернувшись в сторону железной дороги. Железная дорога находилась севернее, так что было отлично видно, что там стоят другие солдаты, в совсем незнакомой форме. Несмотря на летнее время, они были в шинелях, а на голове пилотки. – Может, жандармерия?

– Красные это, – с чувством произнёс кучер и почесал затылок под цилиндром.

– Это что за армия такая? Пожарные?

– Русская это армия. Большевики. Вернулись, через двадцать-то лет! – и пожилой кучер катафалка тяжело вздохнул, вспоминая что-то своё, ещё из тех времён, когда Целестина даже не родилась.

– А почему они не стреляют? – не отставала девушка. – Я слышала, что русские – враги немцам.

– Сейчас никто не знает, кому он враг. Но немцы с ними воевать пока не хотят. Сама видишь – на Тересполь уходят.

– Что за трусость!

– Трусы эти немцы или нет, а Вторую Речь Посполиту съели. И не подавились.

Кучер был, сразу видно, человек законопослушный. Он даже называл Вторую Польскую Республику её официальным именем. Целестина с невольным уважением посмотрела на круглое лицо кучера, покрытое сетью тоненьких, как паутинки, морщин.

– Вы так много знаете! – сказала она.

– Когда хоронишь мёртвых, обязательно узнаешь что-то и про живых, – кучер вздохнул. – Я же не только репетирую, у меня и настоящие покойники есть. У нас ещё не все офицеры из крепости похоронены... А строём русским и немцам сейчас нарочно ходить приходится. Под Лембергом, знаю, никакого строя не было. Встретились там позавчера две армии: немцы и русские – и сразу забыли, что им офицеры приказывали, а вспомнили, что в газетах читали. Ну солдатики и начали друг в друга стрелять. Сперва из винтовок, потом артиллерией, а бронепоезд «Храбрец» всю эту заваруху из пулемётов поливает.

Офицеры еле-еле сумели солдат остановить, объяснили, что их армии пока ещё не воюют. Только так и дошло до генералов, что солдат распускать нельзя и что, если приходится оставлять город без боя, передавать его надо строём и по порядку. Пока солдат в строю – он всегда на виду, а отпусти его – сразу станет хуже разбойника.

Целестина почувствовала, как в груди набухает горький комок обиды. Не то чтобы она болела за немецких или русских в этой войне. Даже вроде бы родные польские солдаты не вызывали у неё сердечного трепета. Слишком уж быстро капитулировали. Но ей было обидно, что такой большой и замечательный город Брест-над-Бугом ценят настолько мало, что кидают его туда-сюда, словно зачерствленную булочку в столовой гимназии.

А двоюродный братец по-прежнему молчал... Чтобы отвлечься, Целестина снова принялась изучать советских солдат. Она видела их раньше только на карикатурах – и теперь хотела рассмотреть получше.

Они всё прибывали и прибывали, все с восточной стороны, где вокзал. Всё новые и новые выходили к открытому участку возле городского сада. На улицу Мицкевича, по которой должен был идти бабушкин катафалк, уже и не выбраться. Получается, шансов на удачную репетицию похорон не было с самого начала.

Дорога вдоль рельсов грунтовая. А солдат невероятно много, так что пыль стояла стеной, и было непросто разглядеть даже лица.

«Но ведь мы когда-то большевиков разгромили, – подумала Целестина. – А теперь перед ними даже немцы отступают. Интересно, какая магия так усилила этих русских?»

В гимназии ей что-то рассказывали про чудо на Висле. Целестина не смогла вспомнить подробностей и решила для себя, что на этот раз чуда просто не произошло. А ещё она вспомнила из гимназии, что «наказывал Суворов: без пушек не ходить на ляхов – знал ваш норов!» Значит, русские прищипают и пушки. Интересно, из этих пушек будут стрелять по гимназии?

Местные жители тоже смотрели на советских солдат и уже приветственно махали руками. Похоже, они что-то знали. Или на что-то надеялись.

Тем временем поток немецких солдат иссякал. Колонна, что тянулась мимо поворота на Мицкевича, была последней. Целестина выскочила из кареты, заглянула за поворот и увидела, что на перекрёстке с Шоссейной, где садик с астрами и георгинами, мотоциклисты поворачивают на запад, в сторону крепости.

Перед Воеводством возвышался спешно сколоченный деревянный помост – совсем низкий, не выше ящика из-под мыла. И даже там, среди безукоризненных немецких мундиров, – несколько русских шинелей. Целестина заметила, что покроем у шинелей странный, на плечах нет погон, а лица у русских кислые, словно каждый слопал целиком по лимону.

Интересно, что им не нравится? Конкуренты уходят, оставили им целый город. Население радуется. А что до ворчания в колонии имени Нарutowича – сколько бы ни ворчали чиновники на начальство, а циркуляры выполнять будут.

Тем временем русские уже начали строиться. А немецкие офицеры торопливо сбегали с постамента, рассаживались по сверкающим чёрным автомобилям – и вот они уже покатали вслед за солдатами.

Теперь настала очередь Ивонки высказать мнение:

– Форма у русских бедняцкая, – заметила она. – Как мужики одеты, офицера от денщика не отличаешь. Разве такую армию зауважают? Вот у наших панов офицеров форма была что надо. Да и у немцев ничего – им, я читала в газете, все мундиры итальянцы шьют. И пыльные эти русские все

какие-то, грязные.

Лицо молодой горничной было исполнено того презрения, какое бывает у гимназисток, когда они пришли в оперу за чужой счёт.

– После марш-броска любой грязным станет, – прокомментировал кучер и закурил папироску, разглядывая передовую колонну. – Это ваши паны-офицеры крепости сдают, чтоб не запачкаться.

Колонна по четверо шла по проезжей части – а рядом, по тротуару, семенили люди в широких фуражках. Они размахивали руками, словно варшавские регулировщики, пытаясь отогнать толпу.

– Родненькие, чего ж вы там... – причитала по-русски не в меру бойкая старушка и тянула к солдатам иссохшие руки.

– Бабушка, отойдите, – сказал ей такой офицер в фуражке. – Нельзя ближе.

– Почему ж нельзя?

– А вдруг кто-то гранату кинет? Нельзя, нельзя мешать прохождению, – и мягко потащил старушку обратно к избам...

Последняя надежда проскочить с катафалком рассеялась. Солдаты уже шли мимо – и правда очень усталые, в разводах жёсткой дорожной пыли. Зато теперь их можно было хорошенько рассмотреть.

Насколько Целестина могла убедиться, в этих типовых крестьянских лицах не было ничего азиатского, что так лю-

били подчёркивать карикатуристы. Совсем напротив – это были те самые круглые, всегда немного озабоченные лица с носом картошкой, какие она сотни раз видела и в городе, и в родной Малой Польше. Было видно, что они порядком устали и готовы устроить что угодно – парад, бойню, штурм неприступной крепости, – лишь бы их поскорее отпустили на отдых.

Находиться рядом было боязно. Целестина забралась обратно в карету. Почему-то казалось, что там – безопасней.

Уже другой человек в фуражке подбежал к ним – и тут же начал раздавать распоряжения.

– Что у вас здесь? – крикнул он не столько кучеру, сколько лошади. – Похороны? Разворачивайтесь, похороны потом. Видите – торжественное прохождение...

Целестина понимала русскую речь, но всё равно почувствовала себя не в своей тарелке. В особняке Крашевских говорили только на польском языке. А тех, кто заносил с улицы местную балачку с её украинскими словечками или, что ещё жутче, гродненский говор с его дзеканьем-цеканьем, оставляли без сладкого.

– Пан офицер не будет мне приказывать! – внезапно прогремело над головой. – Когда хочу, тогда и умру! Когда прикажу, тогда и похоронят!

Целестина обернулась. И чем больше она поворачивалась, тем больше растекался по телу холод страха, потому что она и так знала, что увидит.

Старая Анна Констанция сидела в гробу, впившись руками в вызолоченные борта. На фоне чёрного бархата траурного платья её лицо казалось особенно белым, словно маска из мрамора, а сузившиеся до чёрных щёлок глаза метали такие же чёрные молнии. Старую генеральшу трясло от бешенства, а широкие рукава были похожи на крылья летучей мыши.

Офицер поднял взгляд, увидел, как ожившая и разъярённая покойница встаёт из гроба и готовится на него прыгнуть, – и ничего не ответил, а только обмяк на землю, теряя сознание. Его фуражка покатилась на мостовую, прямо под колёса первого танка.

Он и оказался тем самым единственным офицером, пострадавшим 22 сентября 1939 года, когда в Брест вступила Красная Армия.

И это происшествие до сих пор смущает отечественных историков.

2. Из Красной Земли

1

Целестина так и не узнала, кем ей приходился долговязый, с молочно-белыми волосами, Андрусь Крашевский. Был он прямым потомком пани генеральши или тоже двоюродным – но явно пошёл не в бабушку Анну Констанцию. Смотрел на мир слишком серьёзно и ничего не понимал.

Андрусю оставался месяц до восемнадцати лет. Этой весной он окончил гимназию. А теперь сидел над кутьёй таким грустным, словно его только что вытащили из грязи, и никак не мог прожевать первую ложку.

Андрусь не мог терпеть того факта, что не успел попасть под призыв. И уже не попадёт – война закончилась.

– Ты хотел быть в крепости, вместе с призывниками? – сурово спросила ожившая пани генеральша. – Чтобы тебя поймали, как зайца?

– Я мог бы сделать хоть что-то!

– Что ты бы сделал? Тебе бы даже оружия никто не дал.

– Я бы нашёл себе дело, – процедил Андрусь.

– Ещё найдёшь.

– Война закончилась! Мы проиграли.

– Мы сидим дома и едим вкусно, – заметила старая гене-

ральша. – Значит, не всё пока проиграли.

– Но война закончилась.

– Одна война закончилась – ещё одна будет.

– Когда? Через сто лет?

– Думаю, ближе к зиме, – пани генеральша посмотрела в окно так хмуро, словно ожидала там увидеть эту несчастливую зиму. – Когда реки встанут и грязь на дорогах замёрзнет. Или летом, когда всё высохнет... Я думаю, всё-таки летом.

– Но кто с кем воевать будет? – не унимался Андрусь. – Мы уже и так всё проиграли! Хуже, чем в Потоп! Некому воевать!

– Известно, кто, – парировала старая Крашевская. – Воевать будут немцы с русскими. К этому всё и шло.

Андрусь так и замер с ложкой в руке.

– Но они же теперь... союзники, – произнёс он.

– Не союзники, – сурово ответила генеральша. – У них сейчас общий враг. Это другое. И учти – теперь, когда наша армия кончилась, врага у них больше нет.

– И зачем им ссориться?

– Потому к этому они шли, – всё с тем же суровым спокойствием произнесла генеральша. – И им уже некуда сворачивать.

– Но за что же им воевать?

– Вот за это, – ответила пани Крашевская и обвела костлявой рукой комнату. А потом добавила, как для непонятливых: – За эту крепость и за этот город.

– Но немцы же сами его отдали!

– Сегодня отдали, а завтра опять заберут.

Они, как всегда, обедали в просторной столовой на первом этаже особняка. Шкафчики из красного дерева начищены настолько тщательно, что, когда за столом подносили ко рту серебряную ложку, можно видеть, как по лакированной глади красного дерева поднимается отражение, похожее на крошечную серебряную звёздочку.

А вот высокие, от пола до потолка, окна были заперты, несмотря на тёплую погоду. Хозяйка не хотела, чтобы в столовую летела пыль от марширующих почти по соседству советских солдат.

Покончив с кутьёй, хозяйка повернулась к воспитаннице.

– Зайдёшь ко мне после обеда.

– Да, конечно, – Целестина вдруг ощутила, что ей стало трудно глотать.

Это от волнения.

Зная характер пани генеральши, никогда не угадаешь, что тебя ждёт, когда приглашают лично встретиться. Будет это подарок, сюрприз, нагоняй – или всё это вместе и сразу...

После обеда Андрусь поднялся в свою комнату, и в доме воцарилась неожиданная тишина. Было очень боязно идти к кабинету, постучаться – и всё-таки войти через дубовую дверь с небольшим стилизованным окошком-розой из матового стекла.

Кабинет генеральши напоминал скорее лабораторию.

Возле двери был небольшой секретер из чёрной сосны, всегда открытый и заваленный счетами и бумажками. Отсюда генеральша управляла финансами.

Вдоль стен, в стеклянных шкафах – книги, огромные и старинные, с готической вязью на титульном листе. Иногда на кожаных переплётках можно было найти даже след от цепочки – значит, раньше эта книга была прикована к одной из полок в монастырской библиотеке.

В других шкафах – химическое оборудование, тоже очень старинное. Даже в гимназии оно новее. Колбы, склянки, диковинный перегонный куб, похожий на диафрагму фотоаппарата, аптекарские весы, песочные часы, настолько огромные и тяжёлые, что ими можно убить человека. Такого разнообразия она не видела даже в кабинете химии родной гимназии.

Колоссальный дубовый стол возле окна тоже завален книгами и бумагами. Но это были совсем другие книги и бумаги – старинные, пожелтевшие, иногда на пергаменте. Даже приближаться к этому столу запрещалось.

Старая Анна Констанция сидела сбоку от стола, в особом кресле, куда всегда пересаживалась, чтобы передохнуть. У неё в руках был пожелтевший от времени лист бумаги. Анна Констанция, нахмурившись, читала его через очки, едва шевеля сухими губами.

Напротив неё – огромный ящик, только что с почты, даже с квитанцией на боку.

– Цеся, прошу, вскрой эту дурницу. У меня нет сил ломик искать.

Целестина быстро отыскала ломик и взялась за крышку.

От ящика едва ощутимо пахло сургучом. Но ей пришла мысль, что в таком громадном ящике можно спрятать даже тело. Если сложить ноги к шее и хорошенько утрамбовать...

Наконец, крышка отошла. И Целестина увидела, что там, внутри, на подушке из мягкого сена.

Это был огромный, почти в половину человеческого роста, кальян. По-настоящему мастерская работа!

Серебряное блюдо в форме лотоса насажено на бронзовую шахту. Под ней – колба в форме идеального хрустального шара. А стоит вся эта конструкция на четырёх эбонитово-чёрных, словно бы кошачьих, лапах.

Слишком изысканный для простого человека и слишком загадочный для власть имущего, такой кальян был бы уместен только в лаборатории мудреца-алхимика – если в теперешних Персии и Турции ещё сохранились алхимики и мудрецы.

– Хорошо. Поставь его рядом, я сама заправлю.

Целестина поднимала кальян очень бережно – нехорошо, если эта конструкция развалится прямо в руках. Но тот оказался на удивление крепким и устойчивым. Такую штуку при желании можно использовать как оружие.

Пани генеральша спрятала лист в папку – так быстро, что Целестина не успела даже увидеть, буквы какого языка на

нѐм написаны. Потом она вдруг сорвалась с места и начала рыться в соломе, которая осталась на дне ящика. И выпрямилась с небольшой плоской бутылкой в руке. В таких бутылках продают коньяк.

Целестина готова была присягнуть на Библии, что, когда она доставала кальян, никаких бутылочек в сене не было.

– Отнеси это раввину Соловейчику, – приказала генеральша, – он в синагоге сегодня. Думаю, до вечера успеешь.

Целестина кивнула и взяла бутылочку. От дымчатого стекла веяло холодом, а что за жидкость внутри – не разглядеть.

Она была уже на пороге, когда за спиной вдруг послышалось:

– Подожди.

Целестина замерла и обернулась.

– Пусть юная пани не думает, что я её за служанку держу, – сказала генеральша. – Но бывают дела, которые можно доверить только родственникам. Как сказал один серб, даже порченная кровь – не водица.

2

Целестина решила переодеться в свою гимназическую форму. Не стоит разгуливать по городу в траурном платье, особенно если траур, как все знали, был ненастоящим. Конечно, она сначала хотела выбрать одно из платьев, но оста-

новилась на пусть плохой, но униформе.

В городе опять новая власть, опять будут задерживать всех подозрительных. А гимназистки подозрительными не бывают. Просто ещё одна девушка из смешанной гимназии имени Траугутта или женской, которая в соседнем квартале, решила завернуть в турецкую пекарню Рашкиса на улице Мицкевича за константинопольским хлебом.

Но на улице Мицкевича всё было как и раньше, словно никто и не захватывал город. В жёлтом, с синими куполами православном соборе святого Николая заговорили колокола.

На углу стоял красноармеец – настолько обычный, что Целестина заметила его только сейчас, – и читал оставшийся от немцев плакат, набранный кириллическими буквами. Услышав колокола, он торопливо огляделся, словно опасался, что его заметят. И только потом боязливо перекрестился на собор, куда уже стекались прихожане.

Целестина знала, что среди горожан сравнительно немного людей русской веры – намного меньше, чем католиков и евреев. А вот деревни вокруг города сплошь православные. Поэтому ей всегда было немного боязно ходить мимо собора – в его византийской лепнине и синих луковицах, украшенных золотыми звёздочками, было что-то неуловимо неправильное и еретическое. Каждый раз, проходя мимо него, она ускоряла шаг и почти бегом ныряла за тяжёлую дверь парадного входа гимназии.

Но сейчас уже было поздно, и, наоборот, из смешанной

гимназии выходили первые ученики. Так что Целестина на всякий случай нырнула в заулок возле пекарни. Лучше пробираться по деревянным дощечкам между угольных сараев, чем выслушивать очередные искромётные шутки от одноклассниц.

На Домбровской она выбралась без приключений, даже туфли не запачкала. Там уже было попросторней, можно отдышаться и решить, что надо идти на квартал западнее, через площадь Пилсудского. Раввин мог быть и там.

Чем ближе к площади Пилсудского, тем больше Брестнад-Бугом становился Бриском, древнейшим из еврейских городов Кресов Восточных. Всего один квартал от женской гимназии – и вот она уже в самой богатой, северной, части еврейского района.

Здесьние особняки были новомодные, в том же духе, что особняки колонии Нарutowича. А за их фасадами – кривые тенистые улочки гетто, где всегда пахнет чесноком и жареным луком.

Возле еврейского центра по эмиграции толпились мужчины в светлых шляпах. Безбородые, в костюмах по варшавской моде, они даже ругались на польском и, если бы не район и синагога, были бы неотличимы от поляков. Похоже, обеспеченные евреи решили, что раз немцы ушли, значит, можно делать то, что было давно пора. И надо успеть, пока снова не стало нельзя.

Целестина невольно вспомнила местную мужскую шутку,

которую почему-то знают все гимназистки: что в Бресте-над-Бугом две православные церкви, два католических костела, две синагоги и два публичных дома – потому что один для богатых, а другой для бедных.

Конечно, если порыскать на границе с Киевкой, где гетто превращается в россыпь знакомых деревенского вида домов, можно наткнуться на ещё несколько мелких “божниц”. Но они не считаются, потому что совсем для бедных. Как не считаются и другие мелкие публичные дома.

Чуть дальше, перед домом негодянта Лазаря Калинского, стояли ломовые лошади, запряжённые в грузовую повозку. Первый шкаф уже погрузили.

Целестина подошла ближе и увидела, что юная Хеня Калинская машет рукой из окна.

– Что угодно пани? – поинтересовалась наша героиня.

– Нам надо с твоей бабушкой поговорить, – Хеня на всякий случай сказала это по-французски – но с таким правильным польским прононсом, который и в Кракове редко услышишь. – У нас могут быть вещи, которые ей интересны.

– Она мне не совсем бабушка, – ответила Целестина. – А говорить ты можешь и со мной. Бабушка занята.

– Ах да, я забыла. Её же хоронили сегодня.

– А вы куда уезжаете? Тоже на кладбище?

– Нет. В Ковель, к родственникам.

– Вы там огурцы выращивать будете?

Хеня нахмурилась.

Тересполь, крошечный городок по ту сторону Буга, прямо напротив крепости, считался огуречной и капустной столицей Второй Речи Посполитой. Консервы из солёных огурцов и квашеной капусты вывозили даже в Америку – во всяком случае, об этом говорили рекламные проспекты в бакалейных лавках.

Капустой занималась семья Гас. А вот огурцами – как раз братья Калинские. Но теперь Тересполь оказался на другой, немецкой, стороне Буга. Даже Целестине было понятно, что с тереспольскими огурцами в этом году будет беда.

– Ты что, не понимаешь, – Хене явно не хватало французского, чтобы передать переполнявшие её чувства. – Мы для русских – буржуи. Они всё у нас отберут! Надо бежать, пока они про нас не вспомнили.

– Так Ковель тоже теперь под русскими будет, – предположила Целестина. – Или под немцами? Он же тоже Кресы Всходни. Значит, там должны быть русские.

– Не важно. Там они нас искать не будут. Будет время переждать, присмотреться.

– Скажи, а правда, что однажды команда корабля по пути в Америку вскрыла жестянку огурцов от Калинских, чтобы перекусить, – а оказалось, там не огурцы, а чистый спирт?

Хеня хмыкнула.

– Мы, Калинские, не продаём плохие товары, – отчеканила она. – А что у них там, в Америке, сухой закон – так это они сами его и приняли. Мы в их рекомендациях не нужда-

емся. Огурцы у нас хорошие и сами по себе.

– Огурцы у вас и правда хорошие. Поэтому у вас и покупаем. Подскажешь, как найти раввина Соловейчика?

– В Большой Синагоге он. Где ему ещё быть?

– Мало ли. Сейчас все куда-то бегут и переезжают.

3

Синагога возле площади Пилсудского – это та, что для богатых. Шестиугольная, с арочными полукруглыми окнами и кирпичной оградой – она выглядит намного значительней, чем здание городского Совета на другой стороне улицы. Что не удивительно – ведь Совет не Управа Воеводства, он вообще почти ничего не решает.

А вот евреи значили для города очень много. Доходило до того, что при городском президенте-поляке обязательно служил вице-президент из местных евреев.

Кованые ворота были заперты, но за оградой синагоги ходили местные, о чём-то переговариваясь. Сторожа поблизости не было, так что Целестина решила никого не звать. Когда гимназистка ломится в синагогу – это всегда подозрительно.

Она обошла ограду с тыла и чуть не угодила в топкую лужу. Дальше, за лужей, был дом раввина – приземистая одноэтажная деревянная хата, совсем неотличимая от тех, в которых живут местные крестьяне.

Если Хеня ничего не перепутала, в дом стучать бесполезно. Сейчас Хацкел Соловейчик наверняка на втором этаже, в библиотеке – разбирает новые книги, которые принесли недавние беженцы.

Целестина отлично помнила, какое из окон выходит из библиотеки. Но из-за проклятой лужи ей всё равно пришлось помучаться, чтобы найти подходящее место, почти у самой воды.

Лишний раз оглянулась – прямо как тот русский солдат. Осторожность не помешает. На площади перед синагогой былолюдно, но сюда никто не смотрел.

Целестина достала из портфеля ножик и начертила возле ног круг, описала его квадратом и начертила по углам четыре буквы еврейского алфавита: Реш, Тав, Нун, Ламед. Потом чуть пригнула ноги, подпрыгнула – и, прежде чем успела вдохнуть, внезапный порыв ветра подхватил её, поднял в воздух, пронёс над оградой и одним махом усадил на подоконник того самого окна на втором этаже синагоги. И в нос тут же ударило запахом старых книг.

Прежде чем спрыгнуть в комнату, она бросила назад короткий взгляд. Надо было убедиться, что поднявшаяся пыль стёрла магический рисунок.

Старомодные полки из тёмной сосны стояли настолько тесно, что было трудно дышать. Раввин Хацкел Соловейчик сидел возле окна, на простом деревянном ящике, какими пользуется почта. Рядом был второй такой ящик, уже вскры-

тый, доверху наполненный рукописями.

Даже в доме он не снимал ритуальной фиолетовой шапочки.

Услышав шум, он поднял взгляд и возмущённо поморщился на Целестину сквозь пенсне в серебряной оправе.

Раввин Хацкел был молод. В аккуратно подстриженной бороде ещё только появились первые седые пряди. И уважали его не за возраст, а за знания.

– Юная пани опять безобразничает? – сурово произнёс он по-польски. – Зачем я юную пани только научил...

– Так быстрее и проще.

– Так быстрее и проще только потому, что не все так умеют! Представляешь, если все начнут в синагогу через верхние окна залетать, как голуби в голубятню?

– Это интересная идея, – согласилась Целестина. – А входные двери – замуровать. И сказать, что, когда придёт Мошиах, эти двери сами собой размуруются...

– Цудрейтер!

– Я вашего языка не знаю.

– Я о том, что рано или поздно тебя увидят. И хорошенько отшлёпают!

– А я о том, что принесла вам вот это.

Целестина разбиралась в Каббале недостаточно, чтобы узнать, что именно в бутылочке. Но судя по тому, как подскочил раввин, как долго он просматривал её на свет, как он побежал куда-то в недра синагоги и загремел там чем-то же-

лезным – бутылочка значила побольше, чем искусство прыгать на высоту второго этажа.

Наконец, раввин Хацкел вернулся. Его фиолетовая шапочка сбилась набок, в бороде запутался клок паутины, а в чёрных глазах плясали искорки безумия.

– Вот оно – то, чего не хватало. А вот это можешь отдать бабушке.

Только теперь Целестина заметила, что в руках у Соловейчика светлый мешочек, в каких продают семечки.

Она взяла мешочек, потрясла его, принюхалась. Но не рискнула развязывать и просто спросила:

– Что это?

– Ничего серьёзного. Просто красная земля. Остатки.

– Это удобрение?

– Это намёк. Она поймёт.

– С помощью этой земли можно летать ещё выше?

– Нет. Это просто краснозём, очень хороший. Но в каком-то смысле мы все из него сделаны... Скажи, твоя бабушка – она пока не говорила про книгу «Эвен А-Штия»?

– Нет.

– Плохо, очень плохо. Спроси у бабушки, спроси ещё раз. Если получится отыскать эту книгу, всё остальное больше не будет ничего значить... но я всё равно не верю, что её смогут найти.

Целестина помолчала, а потом спросила:

– А всё же – нет ли способа убрать эту лужу под окнами?

– Сейчас не время для того, чтобы искушать мироздание ради одной лужи.

– Но ведь лужу можно убрать и без помощи Каббалы!

– Сейчас есть дела поважнее. Пока ушли немцы, надо успеть, надо всё успеть, – раввин всё никак не мог сесть, крутился на одном месте и шарил руками, словно не мог понять, что именно ему нужно. – Да, пока вот что передай бабушке. Возчик Янкиэль Седельник. Знаешь его? Он живёт на Белостокской.

– Не знаю.

– Прости, я слишком забываю, что вы нас, евреев, не различаете.

– И я, и бабушка различаем важных людей и неважных, – ответила Целестина. – Если человек важный, как пан раввин или бабушка, – нам всё равно, кто его предки. А если человек неважный, как быдло какое-то, то нам тем более всё равно, кто его предки. Так что там с этим возчиком Седельником?

– Не важно. Он вообще похоронами в основном занимается. Просто передай бабушке, что я был вынужден перевезти то, что мы делаем. Товар спрятан достаточно далеко, чтобы никто не нашёл, и достаточно близко, чтобы мы могли проверять. А там – посмотрим. Запомнила? Вот и хорошо, – раввин улыбался. – Юная пани может идти. Но – умоляю! – не через окно!

– А как же мне выйти?

– Через главную лестницу и ворота. Как и положено по-

рядочной гимназистке.

– Я думаю, люди внизу будут удивлены.

– Я думаю, людей внизу волнует, когда откроют выезд в Палестину.

– Я думаю, будет ещё лучше, если вы построите вторую лестницу или хотя бы осушите лужу, – напомнила Целестина. – С помощью красной земли или Каббалой – как вам удобней.

– Каббалист – всё равно что счетовод, – ответил раввин. – Через руки счетовода могут проходить огромные деньги, но он не может взять себе ни монетки. Если он возьмёт, а хозяин заметит – счетовода посадят в тюрьму. Через ум каббалиста тоже проходит великое могущество. Но стоит ему начать использовать эту силу для себя – наказание ему будет ещё страшнее. Потому что его Хозяин видит всё.

– Печально, когда столько сил и денег проходит мимо, – заметила Целестина.

– Печально то, что люди нашего времени не боятся кары и запускают руку в этот поток! – произнёс раввин Хацкел с горечью ветхозаветного пророка. – Многое из чудес техники, которую ты видишь вокруг, – результат этого воровства. А значит – людей нашего времени ждёт жестокая кара. Избежать её – теперь уже невозможно.

Домой Целестина возвращалась уже без опаски. Почему-то ей казалось, что, даже если у неё и есть враги, им ни к чему нападать, когда дела на сегодня уже сделаны. Она уже отпирала калитку, когда заметила, что Бзур-Верещака жестикулирует из круглого окна на втором этаже.

Целестина сразу догадалась, в чём дело. В доме были нежелательные гости. Значит, входить надо через дверь кухни, сбросить там туфли и тихо-тихо, в одних чулках, проскользнуть коридором и лестницей на второй этаж. Или, как вариант, нырнуть в каморку при кухне и подсмотреть через замаскированное книжным шкафом окошечко, о чём говорят в гостиной. Что Целестина и сделала.

Бабушка сидела к ней спиной. С каждым вдохом и выдохом она пульсировала, словно чёрная грозовая туча. А напротив, прямо по центру обзора, сидел Данилюк, пан директор гимназии. Тощий, с торчащими соломенными усами, в светло-сером костюме и полосатом галстуке. Было заметно, что обстановка в доме его угнетает. Пан директор, такой грозный в своём кабинете, сидел на краешке кресла, словно робкий коммивояжёр. Шляпу он положил на колени и нервно тербил длинными, жёлтыми от сигаретного дыма пальцами. И даже золотая цепочка его часов казалась теперь фальшивой.

– Пани генеральша, – повторял он, кажется, в тысячный раз, – ваша внучка и моя ученица...

– Юная пани мне не внучка!

– Прошу прощения...

– Целестина мне не внучка, а воспитанница! Неужели пан директор не понимает разницы!

– Разве воспитанница – не почти то же самое?

– Воспитанница – важнее! Очень часто жадные старики совсем не заботятся о внуках! Но невозможно не заботиться о том, кого ты воспитываешь!

Тут Целестина заметила, что бабушкин гроб так и не успели убрать на чердак. Он по-прежнему стоял на столе в гостиной. Рядом прислонена крышка с фамильным гербом.

– Вот именно, – пан директор даже поднял указательный палец, словно надеялся удержать на нём удачный момент, – и пани, как опекун, должна понимать, насколько важно образование в нашу эпоху Санации и Реконструкции. Но сегодня Целестины опять не было на занятиях!

Даже сквозь стену было слышно, что бабушка ворчит – одним животом, словно старая кошка. А ещё можно было заметить, как сильно ей хочется перетащить сюда её новомодный кальян.

– Ну, очевидно, что её не было в гимназии! Пан директор же видел мою записку!

– Да, видел. Разумеется, если есть уважительная причина...

– Разве похороны родственника и опекуна – недостаточно уважительная причина?

– Да, я согласен, но... ведь пани и есть этот родственник! И пани пишет её уже в пятый раз!

– И в шестой напишу.

– Но...

– Никаких «но»! Пан директор, вы же сами учите детей. Было ли у вас хоть раз, чтобы у кого-то из учеников всё получалось сразу и хорошо? Нет, так не бывает! Все и во всём ошибаются в первый, а многие и во второй раз. А я – не хочу, чтобы меня хоронили с ошибками! И хочу всё отработать, всё проверить. Пока ещё я жива!

– Согласен в этом, пани жива и проживёт ещё сотню лет. Вот почему мне представляется необязательным присутствие Целестины...

Старая Анна Констанция почти зарычала.

– Пан директор думает, что это так просто – вернуться из мёртвых? – цедила она. – Пан директор такое говорит только потому, что сам никогда не делал. Пусть пан директор попробует! Видит ли пан директор этот гроб! Это хороший гроб, большой, обжитой, сделанный под мой размер, а не размер пана директора. Пан директор изволит прилечь?

– Нет, прошу вас, нет...

– Так пусть пан директор не тратит моё время и идёт вон! Лучше пану директору самому подумать о своей жизни и смерти! Как бы пану директору самому не умереть по ошиб-

ке! Как бы пану директору самому не остаться без погребения!

Данилюк вскочил, пригладил волосы, хотел что-то сказать – но тут шляпа, про которую он успел забыть, свалилась и покатилась по полу. Он бросился вдогонку, однако в последний момент сам же её нечаянно и пнул. И шляпа укатилась под стол, где стоял гроб.

Пан директор так и крикнул от неожиданности. Какое-то время он стоял и смотрел на непокорный головной убор. Потом, наконец, набрался мужества и залез под стол, подхватил шляпу, нахлобучил на голову, чтобы не убежала, и попытался двинуться назад, но перепутал направление и даже налетел на ножку. Перепуганный ещё больше, он ползком выбрался с другой стороны стола, кое-как выпрямился и заковылял в прихожую. Целестина подумала, что если бы бабушка была совсем не в настроении, то пан директор гимназии полз бы на четвереньках до самой прихожей, а может быть, и до выхода из особняка.

Какое-то время в комнате не было слышно ничего, кроме старушечьего дыхания. Потом послышался голос старой Анны Констанции:

– Пани Целестина может выходить и умываться. Скоро ужин, а у юной пани уроки не сделаны...

3. Сопротивление

1

Цеся (именно так образуется уменьшительная форма от имени «Целестина» – и никак иначе!) родилась и выросла далеко отсюда, среди чёрных лесов Малой Польши. Но за первый учебный год она уже успела полюбить Брест-над-Бугом.

Сперва о путешествии в Полесское воеводство не шло и речи. Её собирались послать в краковскую гимназию, к каким-то дальним родственникам. Отец, человек прогрессивных до опасного взглядов, сказал на прощание, что гимназия поможет ей «вырваться из идиотизма деревенской жизни».

В краковской гимназии дело, однако, не заладилось. Не прошло и недели, как дождливым, ветреным вечером, одним из тех, в которые ночь наступает раньше времени, кто-то принялся стучать ногами в дверь особнячка Крашевских.

Это была Целестина, только что с вокзала. На шляпке сверкали капли дождя, в руках – всё те же чемодан и саквояж. Ручку саквояжа обвивал, словно змея, початый круг краковской колбасы.

– Цеся, ты чего вернулась? – только и спросил отец.

– Не буду там учиться!

– Тебе учителя не нравятся? Или одноклассницы?

– Обои там в квартире некрасивые, – ответила Целестина. – Разве можно учиться с такими обоями?

– Ну ты, Цеся, и фанарэбная пани, – заметил отец. – Разве можно так привередничать? А как же национальное объединение? Угроза большевиков...

– Вот именно, – согласилась Целестина. – Мало нам большевиков, так теперь ещё и обои!

И вот родители посоветовались, подумали – и отправили её к пани Крашевской в Брест-над-Бугом. Старая генеральша тоже была родственницей, только по другой линии.

Сначала Цеся немного боялась – ведь город расположен поблизости от тех самых большевиков. Вдруг они тут по улицам, как волки, бегают... Оказалось – ничего подобного. Она быстро привыкла.

Большевиков вспоминали как анекдот. Да и мало кому их было вспоминать – за годы Великой Войны город обезлюдел, и его строили почти заново.

Крепость была окутана тайной, Целестина видела её только издали. Длинные красные стены казарм тянулись через всю линию горизонта.

На главной площади было куда интересней, она вполне могла бы достойно украсить какой-нибудь немецкий вольный город. А нарядных особняков, как в колонии Нарutowича, не найти даже в Варшаве.

От роскошной площади в обрамлении трёх администра-

тивных районов расходились бульвары, переходя во вспученные улочки. Тамошние одноэтажные домики были похожи на сундуки, а внутри кварталов шелестели яблони палисадников. В этих домах, особенно ближе к гетто, было определённно что-то таинственное.

А если пойти дальше по Шоссейной, то буквально через пару кварталов железной дороги город вдруг превращался в типовую деревню с курицами в огородах и коровами, которые провожают тебя сонными глазами. Здешняя жизнь была непонятной, но какой-то очень простой и незагадочной – несмотря на то, что среди жителей еврейского квартала было немало знатоков Каббалы.

Гимназистке из колонии Нарутовича делать там было нечего. Так что Целестина была там только пару раз. В шести кварталах вокруг главной площади можно было отыскать всё, что нужно девице её лет: Городской сад, симпатичные лавочки и кинематограф.

Всё это было новым, свежим и уже немного таинственным. И за эту таинственность Целестина была готова простить городу всё: и лужи на дорогах, и коз в городском саду, и даже обязанность изучать на литературе поэзию Яна Кохановского.

Дома тоже было хорошо, хотя пани Анна Констанция навела жути. Повар и горничная забавляли даже своими недостатками.

Единственной проблемой был восемнадцатилетний Ан-

друсъ, ещё один младший родственник старой генеральши. Этот невольный сводный брат порядочно раздражал.

2

Андрусъ был высоким, тощим и неуклюжим, с овальной, коротко остриженной головой, которая больше походила на камень-голыш, обкатанный водой Северного моря. Он был из тех парней, которых бы исправила военная выправка. Но вместо этого он оканчивал смешанную гимназию имени Траугутта. Ту самую, где предстояло учиться Целестине. И был очень озабочен политикой.

Он так и не решил, чем заниматься после гимназии. Целыми днями сидел в своей комнате на втором этаже, прикуривал папиросы от зелёной лампы и рассчитывал по атласу возможные военные блоки.

За ужином разговор начинался с городских новостей. Но бабушка Анна Констанция знала, к чему идёт, и вовремя умолкала, чтобы молча жевать, слушать и наблюдать, как Андрусъ доходит до белого каления.

Целестина так и не поняла, как она к этому относится.

Андрусъ не понимал, как можно идти на службу. Или в училище. Или поехать куда-то, поступить в университет. Или пойти в армию. Или жениться. Или что угодно ещё. Неужели неясно? Когда сейчас в мире такое творится... Неужели хоть что-то имеет значение? Ведь в любой момент

может начаться война, а то что похуже.

– Пан Андрусъ – военнообязанный, – произносила в ответ старая генеральша, – и достаточно здоров, чтобы служить и погибнуть.

– Я знаю.

– А я – напомнила.

– Каждый из нас что-то должен делать в это время.

– Как сказал поэт, такие дети, как наш Андрусъ, – тягота, а не награда, – отвечала Анна Констанция. И продолжала жевать.

Андрусъ так и сидел над нетронутой тарелкой, сжимая ложку, словно это была рукоять сабли. Да только рубить было некого.

– Как пани думает, – вдруг спрашивал он, – мы сможем заключить союз с Германией и ударить по русским?

– А кто там сейчас канцлер? – бабушка щурилась. – Помню, он чернявый такой, а фамилия нелепая, всё время забываю.

– Гитлер! – с готовностью подсказал Андрусъ.

Бабушка брезгливо поморщилась.

– Ну и фамилия... Еврей, что ли?

– Нет. Из австрийцев. Радикальный националист, считает нашего маршала Пилсудского своим учителем.

– Таких радикалов сейчас, – ответила генеральша, – как говна за баней.

С Целестиной у Андруся тоже были проблемы. Не то что-

бы он ревновал её к вниманию старой генеральши. Пани Анна Констанция жила своей жизнью, и добиваться её внимания было бесполезно. Просто теперь у него было с кем спорить, кого травить, с кем бороться, кого защищать, когда она этого совсем не просит.

К тому же Целестина ходила с ним в одну и ту же гимназию – смешанную, имени Траугутта. Ту самую, напротив русской церкви с синими куполами, возле которой во время репетиции похорон поворачивал похоронный кортеж.

Первого сентября 1939 года Андрусь ждал с тревогой. Родители (они у него наверняка были) хотели знать его решение насчёт образования или карьеры. А никакого решения у него не было.

После ужина Андрусь разгуливал по комнате, размахивая руками, репетируя какие-то речи. Иногда он взмахивал руками и делал выпад – словно поражая невидимых врагов.

Видимо, со временем должен был случиться скандал. Целестина уже готовилась узнать, что у него за родители.

Но первого сентября Гитлер напал на Польшу и этим спас Андрусю от скандала.

В гимназию Андрусь шёл молча. Щурился на небо – не летят ли там немецкие самолёты. Но в гимназии всё было по-прежнему, даже занятия не отменили. Одноклассники на переменах убеждали друг друга в скорой победе польского оружия.

Домой Андрусь вбежал раскрасневшийся и с газетой в ру-

ках, огромной, как скатерть для праздничного стола.

– Бабушка, видите? – кричал он, подпрыгивая на полу прихожей, где чёрные и белые квадратные плитки выстроились в шахматном порядке. – Вы посмотрите, что пишут... Я же говорил!..

– Пан много чего говорил, – отрезала генеральша.

– И оказался прав. А значит, надо...

– А значит, надо молчать.

– Почему молчать? Сейчас же самое время, чтобы настоящие патриоты...

– Сейчас самое время привыкать. Привыкать к молчанию. Это не у всех сразу получается.

– Что пани Анна Констанция говорит такое?..

– Учись молчать. За неправильные разговоры скоро будут убивать, – сообщила Анна Констанция и заковыляла к себе в кабинет.

Андрусь посмотрел ей вслед с уважением. Наверное, ему подумалось, что она могла застать восстание 1863 года.

Насчёт 1863-го можно было и поспорить – не девяносто же ей лет. Хотя от Анны Констанции можно ожидать чего угодно.

Бабушка точно застала Великую Войну. И обычному человеку уже этого будет достаточно. А тут генеральша Анна Констанция – с её связями, причудами и неуживчивым характером.

Андрусь попытался не подчиниться. У него ничего не вы-

шло. Анна Констанция знала какую-то хитрость, которая заставляла его замолкать при её появлении – и лишь бессильно тарачить глаза, пока изнутри, под униформой гимназиста, его распирают свежие международные новости.

Занятия в гимназии продолжались как ни в чём не бывало. Брест-над-Бугом пока не бомбили и о войне слышали только по радио.

3

На выходных сообщили о боях под Томашувом-Мазовецким и что польская армия стратегически отступает. Уже в понедельник на переменах шептались, что всех городских немцев арестуют и запрут в концлагерь. Но из этой затеи может ничего не выйти – ведь в жёлтой лютеранской кирхе, что неподалёку от площади, спрятано секретное оружие.

Вспомнили даже, что маршал Пилсудский был из лютеран. Неясно, что из этого следовало. Но этот факт почему-то казался всем очень важным.

После уроков Андрусь пошёл обыскивать кирху. Нельзя было допустить, чтобы секретное оружие попало в руки врага.

Надо сказать, что кирха сама по себе выглядит подозрительно. Построенная в функциональном стиле, она казалась сложенной из правильных параллелограммов, а формой напоминала большой жёлтый обелиск, установленный по неиз-

вестному поводу.

Андрусь забрался внутрь через окно второго этажа, чтобы обнаружить: внутри пусто. Обшарив все углы, он попытался выйти через парадный вход, но оказалось, что там заперто.

Ну и ладно. Андрусь решил вернуться тем же путём, которым пришёл. Поднялся на второй этаж и уже там обнаружил, что за время его отсутствия окно бесследно исчезло.

– Эй, что за шутки! – возмутился Андрусь и принялся молотить кулаками туда, где, по его расчётам, было окно.

Возможно, тут была замешана лютеранская магия. Не зря среди лютеран столько алхимиков! А может быть, они сговорились с евреями из гетто и применили магию Каббалы?

Простейший вариант просто не пришёл ему в голову. Каббала и алхимия были ни при чём. Просто плотник, нанятый магистратом, пришёл к кирхе с приставной лестницей, чтобы не выяснять, где ключи, и заклеил окно фанерой для светомаскировки.

Фанера была самая обыкновенная. Такую легко пробить даже кулаком. Но Андрусь не смог – потому что перепутал направление и вместо окна молотил по деревянным перегородкам.

Со временем даже до него дошло, что это не помогает. И решил разрушить магию молитвой. Прочитал «Отче наш» (по-польски). Не помогло. Тогда затыкнул «Te Deum» на латыни. Ведь молитвы на латыни куда сильнее, ангелы берут их в производство вне очереди.

Но, похоже, не блиставший в хоре Андрусъ фальшивил слишком сильно. Ангелы не слышали его молитв. Зато слышал проходивший мимо обыватель Кастрициан Базыка. Сперва он просто снял картуз и перекрестился. Пение и удары продолжались, как ни в чём не бывало. Тогда обыватель Кастрициан Базыка ускорил шаг – и тут же наткнулся на жандарма.

Перепуганный Кастрициан всё сразу и выложил. Так и так, из запертой лютеранской кирхи раздаются загадочные голоса. Возможно, сатанисты устроили там шабаш с целью подрыва духовных сил народов Второй Речи Посполитой.

Дело было серьёзное. Кирху оцепила полиция. Рядом прохаживались агенты контрразведки в одинаково серых штатских пальто. А из костёла, который был буквально в соседнем квартале, по ту сторону садовых зарослей, прибежал ксёндз Фабиан – чтобы нейтрализовать оккультную угрозу.

Когда на первый этаж ворвались неизвестные, Андрусъ принял их за чертей и принялся отбиваться. В итоге, с подбитым глазом и уже без форменной фуражки, его запихнули в воронку и повезли в крепость, в гарнизонную тюрьму. Именно там польские власти содержали шпионов, сатанистов и слишком буйных депутатов парламента.

Он оказался недостаточно опасен, чтобы его держали в Бригитках, поэтому пришлось довольствоваться камерой в гарнизонной тюрьме. Андрусю там не понравилось. Сначала его посадили в одну камеру с депутатом поветового совета,

который оказался коммунистом, и жутко бородатым мельником из-под Вильны – этот сидел по обвинению в колдовстве.

Сознательного гимназиста вызвали на допрос прямо посередине важного спора с соседями по поводу земельной реформы. А допрашивал незнакомый полковник, толстый, с отяжелевшими от пота усами и очень усталый от всей этой беготни.

– Зачем ты это устроил? – спросил полковник, даже не поднимая голову от бумаг.

– Я с чертями сражался, – ответил Андрусь. Потом спохватился и добавил: – Я думаю, это были красные черти.

– Почему красные.

– Ну, коммунистические.

Полковник жевал губами и по-прежнему не поднимал голову.

– Это было несвоевременно, – наконец произнёс он.

– Да, я знаю. Возможно, нам надо попытаться заключить с ними...

– Проваливай!

Выходить из крепости пришлось через Северные Ворота. Главные уже были к тому времени перекрыты допотопными лёгкими танками.

Над земляными валами синхронно взмывали лопаты. Гарнизон рыл окопы и пытался что-то минировать.

Экипажа арестованным не полагалось, поэтому от крепости до колонии Нарутовича Андрусь добирался пешком, че-

рез заросли и буераки уцелевшей полосы эспланады. Над головой медленно, как шмели, проплывали грузовые самолёты. Они делали полукруг и уходили на посадку за железную дорогу. Гимназист знал – там, возле Адамково, недавно расчистили временный военный аэродром.

Андрусь так на них засмотрелся, что и не заметил, как свалился в небольшой топкий прудик, неведомым образом возникший буквально в десятке шагов от стадиона имени Пилсудского.

Домой он пришёл ещё мокрым. И сразу, с порога, рассказал Целестине о самолётах – чтобы избежать лишних вопросов.

– Это штабные архивы перевозят, – ответила Целестина. Она узнала про архивы от бабушки. А откуда это знала бабушка – как обычно, было совершенно неизвестно.

– Видишь, как много значит наш город! – радовался Андрусь. – Штабные архивы куда попало не повезут.

– Угу, – отозвалась Целестина, – теперь, когда штабные архивы в городе, нас тоже будут бомбить.

4

Бомбардировщики видели с первых дней войны, но они пока бомбили только крепость. Не хотели тратить бомбы на жилую застройку, которая и так будет захвачена.

Однако в городе хватало и других тревожных событий.

Уже на следующий день по гимназии объявили, что пан директор велел всем вместо третьего урока собраться на внутреннем дворе. И сразу стало ясно: дело серьёзное. На это указывала архитектура гимназии.

Тут надо сказать, что смешанная гимназия имени Траугутта построена в форме пустого квадрата, опоясанного коридорами на первом и втором этаже. Внутри квадрата – внутренний двор, а посередине двора – не менее квадратный домик административного корпуса. На первом этаже этого домика – канцелярия, а на втором – архив и кабинет директора.

Таким образом, огромная гимназия при желании просматривается насквозь прямо из кабинета пана директора. И переделать её в казарму или тюрьму, как это делали буры в Южной Африке, можно за один вечер.

Внутренний дворик – единственное помещение в гимназии, куда можно собрать всех и сказать им что-то очень важное. Точно так же, как на прогулочный дворик в тюрьме можно, если надо, собрать всех заключённых и что-нибудь им объявить. И вот что важно – таких собраний уже давно не было.

Как объяснили Целестине девочки из местных, последний раз так собирались года четыре назад, когда умер маршал Пилсудский. Но это был человек настолько большой государственной важности, что и подумать страшно. Все мальчишки почему-то до сих пор называли его Дедушкой или Ко-

мендантом и принимались размахивать руками, стоило кому-то упомянуть его обычное имя.

За годы существования гимназии дворик уже успел обрасти молодыми деревцами и какими-то кустами местной фауны, которых нет в учебнике биологии. Так что тем, кто был из младших классов, было куда спрятаться – на всякий случай.

Перед окнами кабинета директора был балкончик. Совсем маленький, так что многие сегодня заметили его в первый раз. Туда и вышел Данилюк – в костюме, с той самой шляпой в руке, которая пыталась от него убежать в особняке генеральши. Целестина чудом удержалась, чтобы не хихикнуть.

Пан директор засуетился и в конце концов положил шляпу обратно в кабинет. Даже здесь, на высоте второго этажа, он казался удивительно маленьким.

И он заговорил. Речь была в его обычном духе. Он читал её без бумаги, без подготовки и только на середине обнаружил, что не знает, как её закончить. Сначала он говорил о том, что сбылась самая страшная из фантазий любого мальчишки – их поколение стало свидетелями войны. Конечно, до нас была ещё Великая Война – но мы родились уже после неё и не знаем, что это такое.

Потом он начал взывать к теням прошлого – Мицкевичу и Словацкому. Совсем недавно у польской нации была лишь тень надежды на восстановление своего государства,

разорванного между великими державами. И классики сравнивали поляков с двумя другими народами-изгнанниками – армянами и евреями, у которых нет своей страны и которых встретишь повсюду. (Окажись тут старая Анна Констанция, она бы припомнила и третий такой народ – цыган. Но, к счастью, бабушки тут не было).

И вот всего лишь два десятка лет назад возрождается Речь Посполита. Но враги не дремлют. И сегодня немцы, предположительно подстрекаемые коммунистами, нанесли ей предательский удар.

– Бей немцев! – крикнули где-то сзади. Но голос был слишком детским, чтобы ему кто-то ответил.

А Данилюк продолжал:

– Даже если немцы победят нашу армию, что, – как то-ропливо добавил пан директор, – совершенно невероятно, это не будет означать поражение народа. Польский народ всё равно сохранит свою культуру, язык и религию, как делал это много лет, лишённый государства. И гимназия вам в этом поможет. Какая бы власть ни установилась в городе, мы будем хранить верность нашему языку, нашей религии, нашим идеалам. Даже если это будут коммунисты, мы останемся поляками и не склонимся перед заразой интернационализма. Пусть нас давят – мы всегда останемся сами собой. Даже если мы потеряем танки и самолёты – сама верность польской идее станет нашим сопротивлением.

Сопротивление...

Целестина почувствовала себя дурно. Она прислушалась к себе, попыталась понять почему. И вдруг поняла – и это понимание пронзило её, словно ледяная игла. Ей полагалось испытывать воодушевление. Но испытать его не получалось. И дело не в том, что пан директор выступал плохо. Его речь воодушевляла. Целестина видела, как светлеют лица в соседних рядах, а над некоторыми головами (особенно у мальчиков) даже начали трещать и прыгать синие искры.

Она догадалась, что это от напряжения. Энергия искала выхода, а выйти ей было некуда.

Пан Данилюк очень много говорил о сопротивлении. Но ни слова – о том, как оно должно происходить. Как сопротивляться-то?

Целестина уже достаточно изучила город, чтобы понимать: сопротивления здесь не получится. Конечно, тут полно топких переулков, загадочных тупиков и таинственных домиков. В Бресте есть где затаиться, даже если на дом упадёт бомба. Но сам по себе город слишком невелик, чтобы по нему можно было легко убежать от облавы. Здесь достаточно поставить по жандарму на каждый перекрёсток – и всем, кто сопротивляется, останется только затаиться.

Куда безопасней сопротивляться из леса, как это делают благородные разбойники. Но наша героиня сомневалась, получится ли такое на этих Кресах – хотя лесов тут, конечно, хватало.

Целестина ни разу не путешествовала на восток дальше

Бреста и очень приблизительно представляла себе Полесское воеводство. Поэтому могла только догадываться, где и как тут можно выживать, когда ты вне закона.

Всё родное, знакомое, польское заканчивалось для неё в восточном предместье, оно же деревня Киевка. Дальше были загадочные места с непривычными православными деревнями, руинами поместий времён поэта Мицкевича и бесконечными болотами с лохматой белой осокой.

Единственное, где-то там, среди болот, в Пинске, скрывался иезуитский коллегиум... Но ведь иезуиты тем и славятся, что куда угодно проберутся – и в Китай, и в Таиланд, и в Индию. Вот, даже до Пинска добрались.

Наверное, иезуиты и будут сопротивляться...

Целестина снова прислушалась к речи. Но про иезуитов пан директор так ничего и не сказал.

5

Немцы заняли город так легко и быстро, что комендант не успел даже объявить мобилизацию. В первый день пехота держала рубежи и многие верили, что из Тереспоя подойдёт подкрепление. Но к вечеру оказалось, что госпиталь переполнен, а все двенадцать лёгких танков подбиты и годятся только на баррикады.

На второй день штурмовали всерьёз. Немецкие танки вошли в город с трёх сторон: одна колонна через грунтовку к

северу от крепости, вторая – с северо-востока по шоссе между Граевкой и Адамково, мимо базы ассенизаторов, а третья – прямо по Шоссейной улице, с востока.

Вокзал и северные форты взяли уже к полудню, и немецкие мотоциклы показались на площади перед уже опустевшей администрацией. Потом до вечера разворачивали на эспланаде артиллерию и бомбили крепость с бомбардировщиков.

Следующие два дня крепость жила отдельно от города. Слышались взрывы, полыхали вспышки, похожие на зарницы. А в город просачивались мобилизованные из гарнизона, в штатской одежде не по размеру и с испугом в глазах. Они прятались в подвалах и ждали, чем всё закончится.

Закончилось всё предсказуемой капитуляцией. А жизнь почти не изменилась – потому что пока не успела.

Гимназия продолжала учить, как и раньше, – потому что других распоряжений не поступило. Сразу, когда затихли выстрелы, директор Данилюк отправился в управу. А потом, как только начали ходить поезда, он поехал в Варшаву, к наместнику, выяснять, что теперь можно, а чего нельзя. А без директора – разве можно хоть что-то менять в учебной программе?

Никого из городских немцев, несмотря на слухи, так и не арестовали. А вот про тех немцев, которые пришли, было и так ясно, что они могут арестовать кого угодно. Поэтому про эту армию пока не ходило даже слухов. Все жили в ужасе

поражения, словно их по уши окунули в холодную воду.

Андрусь не сильно отличался от прочих. Он тоже ходил, как сомнамбула, на негнущихся ногах и говорил хрипло, как если бы его грудь была скована льдом.

Дома он тоже молчал.

Наконец, Целестина ухитрилась его поймать и спросить, что он думает.

– Война ещё не закончилась, – пробормотал он в ответ. – Ты же понимаешь, что война ещё не закончилась?!

– Я думаю, – предположила Целестина, – тебе лучше оставаться дома. Не нужно привлекать к себе подозрения!

– Нет. Нельзя! Как раз это и будет слишком подозрительно!

Целестина кивнула. Братик явно смыслил в стратегии и конспирации. Но всё равно не мог ничего сделать против врага.

Потом стало ясно, что всё уже кончено. Все уже знали, что наступление началось, и никто не знал, на какой из возможных границ оно закончится. На всякий случай готовились к худшему.

В среду вечером вернулся директор.

Надо сказать, что даже в смешанной гимназии имени Траугутта училась очень разная молодёжь. И она тоже расслоилась – как было расслоено всё тогдашнее общество. Были совсем гордые деятели, которые после занятий сразу шли домой – и этот дом был обычно на улице Пулавского, по со-

седству с особняком Целестины. Они считали, что им нечего делить с местным быдлом.

Другие (в основном девочки) чинно гуляли в городском саду под сонные импровизации духового оркестра. Они собирались изучать юриспруденцию или классические науки и очень часто ходили в кино и на концерты – потому что могли себе это позволить. Целестина относилась к этим – и немножечко к первым, в зависимости от настроения.

Третьи собирались на вокзале. Девочек среди них почти не водилось. Они застёгивали пальто на все пуговицы, смолили коротенькие папироски и собирались учиться на инженера или железнодорожника.

Тогдашний вокзал был настоящим чудом техники – там горели электрические лампы, было отличное водяное отопление, имелось окошечко телеграфного отделения. А ещё был мост, и под мостом проезжали поезда. Можно было смотреть на них сверху вниз, вдыхать копоть и думать, что когда-нибудь такой вот поезд увезёт тебя прочь отсюда в совсем другой, удивительный, мир, где найдётся место твоим способностям.

Где отдыхали четвёртые, которых не принимали даже в компанию на вокзале, – не знал никто. Наверное, подобно первым, они почти не выходили из дома, потому что им приходилось усердно учиться. Или воровали по ночам бельё, чтобы заплатить за учёбу.

Сложно сказать, кто из них был лучше. В каждом слое

было что-то хорошее.

Директор вернулся поздно, когда город уже был под коммунистами. И те, кто собирался на вокзале, оказались первыми, кто его увидел.

6

Уже было темно. Вокзал полыхал десятками дуговых ламп, а на перроне и рельсах уже лежали ночные длинные тени.

Пан директор гимназии соскочил с грузового поезда – на лбу угольный след, левый рукав пиджака оторван – и зашагал по перрону, покачиваясь, как сомнамбула.

Когда пан Данилюк проходил под очередным фонарём, его опознал Юлиан Шкательберг – тот самый, белобрысый, который мечтал проектировать танки и уже придумал оригинальную конструкцию с тремя дулами.

– А, дети, – директор натужно улыбнулся. – Всё вы замечаете, дети...

И он, хромя, отправился домой – через железнодорожный мост. Ступеньки преодолеть было непросто, и иногда ему приходилось опускаться на четвереньках.

Он жил рядом, через улицу от гимназии, и добрался до дома своим ходом.

Наутро он появился снова в гимназии – умытый, причёсанный, с разглаженными усами и в новом светло-сером ко-

стюме. И объявил второй сбор – опять во дворе.

Среди перепуганных уже второй сменой власти гимназистов поползли новые слухи. Даже Юлиан Шкательберг не мог сказать, как ухитрился пан директор добраться до Бреста-над-Бугом из немецкой зоны оккупации. Не иначе – прорвался на новом, сверхзасекреченном танке. А значит, он что-то знает.

А ещё говорили, что директор разыскал в Краковском гетто шифры колдуна Твардовского. Именно с их помощью и будет проходить то самое тайное обучение.

И вот объявили второе собрание. Такое же, как первое.

Целестине было неудобно. Это слишком походило на повторяющийся сон, который того и гляди свернёт на новую дорогу и станет кошмаром.

Пан директор вышел на тот самый балкончик. Но костюм теперь был другой, и от этого стало ещё неудобней.

– Дети, – начал он, – милые дети... Мы много пережили! Мы много увидели! Рядом с нами была война. И нам невероятно повезло, что она едва нас затронула. Можете быть спокойны – война закончилась! Война больше вас не коснётся!

Целестина быстренько оглядела собравшихся. Ученики во дворике были те же. Война не успела по ним пройти, среди собравшихся не было даже раненых. Но они тоже стали другими. Уже никто не искрился энтузиазмом.

И ещё одно отличие. Кто-то был наверху, следил за ними с крыши. Целестина не успела его разглядеть как следует.

Стоило ей поднять взгляд – и незнакомец пропал. Но кто-то определённо следил за собранием с крыши. И раньше этого человека там не было.

А Данилюк продолжал. Он был настолько возбуждён, что не заметил бы человека на крыше, даже если бы тот спикировал ему на балкончик.

Казалось, речь захватила пана директора настолько, что он даже не обращал внимания на своих подопечных.

– Был сложный период. Сменялась власть. Казалось, мы станем немцами. Сейчас ясно, что этого не будет. Немцы признают своими только австрийцев – у них даже территориальное деление теперь немецкое. Польшей сейчас управляет оккупационная администрация. Продлится это, я думаю, долго.

Пан Данилюк перевёл дыхание.

– Теперь нас освободила русская армия. Это нормально. Я ещё застал времена, когда Брест был частью империи российских царей – и одной из лучших её частей! Первые бульвары, городской сад, железнодорожный узел – всё здесь появилось при царях. И вот мы снова вернулись под власть русских. И это не русские империалисты, которые сейчас водят парижские такси, а коммунисты, которые поклялись защищать интересы народа. Пусть те из вас, кто происходит из украинской, польской или даже еврейской семьи, не тревожатся – коммунисты не различают национальности. И русский, и латыш, и грузин, и еврей – каждый может стать чле-

ном Коммунистической партии и бороться за права трудящихся. А уничтожают они только врагов. Последние дни показали – у нас в городе, к счастью, достаточно коммунистов. Уничтожать у нас некого. Но многим жителям, особенно вашего возраста, будет полезно изучить теорию и записаться в пионерскую организацию. Чтобы стать ещё лучшими коммунистами и бороться за освобождение всего трудящегося человечества.

Гимназисты переглядывались. Но возражать никто не рискнул.

– И помните – у коммунистов обширный опыт подпольной работы. Что бы с вами ни случилось, куда бы вас ни забросила судьба и кто бы ни пришёл на вашу землю – мы будем продолжать учиться и жить так, как учит нас партия. В подполье, в изгнании и в любых обстоятельствах – мы и партия придём вам на помощь, свяжем вас, как невидимая сеть, которая объединяет всех трудящихся мира, весь угнетённый рабочий класс. Мы – с вами! Я – с вами!

«Беда, – подумала Целестина. – А нас он спросил, хотим ли мы быть с ним? Такой как влезет на плечи – так и будет на тебе до самой могилы кататься».

И тут же устыдилась своих мыслей. Понятно же, что пан директор не собирался издеваться над своими учениками. Данилюк верил в то, что говорил. Он определённо решил, что раз пришли коммунисты – всем надо быть за коммунистов, а поступать иначе – значит идти против истории.

А директор всё говорил и говорил:

– С сегодняшнего дня и до уточнения военно-политического положения уроки Закона Божьего в гимназии имени товарища Траугутта отменяются. Вместо них будут уроки политинформации. Прошу готовиться к ним строго по новейшим газетам... коммунистического направления. Эти газеты теперь стали легальными. Списки вам зачитают.

7

В полночь Целестина открыла глаза и поняла, что уже не уснёт. В доме происходило что-то важное. Он не видела в темноте, и звуки ночи из сада и города были самые обычные. Но Целестина чувствовала кожей – происходит что-то важное. И она должна была узнать что.

Девушка открыла дверь, выглянула из комнаты. На всём втором этаже – тишина. Только внизу, под перилами, проступило алое зарево.

Целестина шагнула ближе и увидела, что прямо в прихожей горят четыре канделябра лучших свечей, расставленных по квадрату. В середине этого квадрата стояло широкое просторное кресло. В нём сидела старая Анна Констанция с безукоризненно прямой спиной, словно королева на троне. Перед ней на небольшом столике – трубка, кисет с табаком и тот самый мешочек с красной землёй из синагоги.

А напротив неё, среди пляшущих по коридору теней, сто-

ял Андрусъ, похожий на провинившегося младшеклассника, и в чём-то пытался её убедить. Но при этом был одет в осеннюю гимназическую шинель с тёплым воротником, а у его ног на паркете стоял дорожный чемодан. Это придавало словам двоюродного брата определённый вес.

– Они всё, всё запретят, вот увидите, – говорил Андрусъ. – Эти интернационалисты этого и хотят – уничтожить и унижить наши национальные флаги и символы. Теперь не просто флаг не поднимешь – теперь даже мак рисовать нельзя.

– Может, оно и к лучшему. Из маков делают опиум.

– Но не из красных.

– Можно и из красных. Только получится меньше.

– Бабушка, поймите, мы должны как-то сопротивляться.

– А что говорит по этому поводу ваш Шкательберг?

Андрусъ смутился.

– При чём здесь Шкательберг? Шкательберг – полный болван, от него ничего полезного не дождёшься... Откуда вы вообще про него знаете?

– Потому и спрашиваю, что ничего про него не знаю, – очень спокойно ответила бабушка. – Если бы знала – не спрашивала.

– Шкательберг не помощник. Нам нужны надёжные люди.

– Такие люди как золото. Всем нужны, и потому встречаются редко.

– Так вот, пока коммунисты не переманили всех таких людей на свою сторону, нам и нужно создавать сопротивление!

Чтобы они к нам шли, а не куда-нибудь в Испанию ехали.

– Тебе придётся подождать до конца войны. Или хотя бы до конца моих исследований.

– Но мы не можем ждать! Если я буду ждать – начнут без меня.

– Что начнут?

– Сопротивление!

– Что-то я не видела никакого сопротивления, – заметила Анна Констанция, – когда русские вошли в город. Похоже, я была для них единственной помехой.

– Потому что люди пока испуганы, не понимают, что делают.

– А я была всё равно что мёртвой, – парировала бабушка. – И всё равно их почти остановила. Так что не хочу слышать про этих «испуганных». Раз они ничего не могут – так их и называй. Тоже мне – «испуганные».

Андрусь склонил голову. Кажется, впервые за весь разговор он задумался, о чём говорит. А потом опять заговорил – быстро-быстро.

– Да, сопротивления пока нет. Но это сопротивление можно быстро создать. В городе полно настоящих польских патриотов. Да чего там – в гимназии их полно.

– Если бы в городе хватало польских патриотов, – сурово заметила старая Анна Констанция, – правительству бы не пришлось завозить в воеводство чиновников с запада и гимназисток из Малой Польши. Брест-над-Бугом – город, осно-

ванный русскими. Русские построили эту крепость. И теперь русские сюда возвращаются.

– Я что-то не помню.

– Ты не помнишь, а я помню.

– Но ведь Брест-над-Бугом исторически польский город! У нас исторически большинство жителей – католики, если евреев не считать.

– Эти католики в городе живут «исторически», – пани Анна Констанция нарочно выделила это нелепое слово, – а вот польской эта земля стала чудом. И мы даже знаем, что это было за чудо. Брестчина стала «нашей» только после чуда на Висле. Но и чудо на Висле случилось только потому, что большевики пошли дальше, чем собирались. Они слишком хотели разжечь всемирную революцию. Им предлагали остановиться на линии Кресов Восточных, они были почти согласны. Они просто пошли дальше, потому что верили в другое чудо – Революцию для всего мира.

– А сейчас что будет? – Андрусь явно не был готов обсуждать чудеса.

– Ничего. Нового чуда не произойдёт – ни на Висле, ни где-то ещё. Против возможности новых чудес говорят все приметы и оракулы.

– Но наша армия...

– ...Которой больше не существует.

– Но мы... смогли же сделать это чудо двадцать лет назад!

– Смогли. Но чудеса потому и чудесны, что приходят слу-

чайно и никак от людей не зависят.

Андрусь снова замолк, словно увяз в непривычно сложном разговоре. Потом заговорил снова:

– Но в гимназии у меня нет никакого будущего. А ещё – в гимназии знают о моих убеждениях. Я не могу здесь больше оставаться!

– Очень скоро не смогут и другие, – отметила бабушка, затягиваясь из дарёного кальяна. – Но сбежать на Тересполь у них уже не получится.

– А вы?

– А мне и сейчас хорошо.

Андрусь взялся за ручку чемодана.

– Я всё равно ухожу, – сказал юноша, уже ставший Целестине вместо брата. – Я всё решил. Ещё раньше. Ещё до разговора.

– Поступай как знаешь, – ответила старуха, снова затягиваясь кальяном. – Я тебе не школьный принципал. Я не собираюсь тебя здесь удерживать. Но и идти за тобой не собираюсь.

Андрусь кивнул, прижал к себе чемодан, словно любимую кошку, и выбежал через парадную дверь. Стук получился на удивление обыденным.

Через какое-то время его шаги затихли в ночи. А старая хозяйка продолжала сидеть среди канделябров.

Старуха потянулась за ближней свечой. Внимательно оглядела её, словно это был экзотический овощ. И только

потом сунула свечу пламенем вниз в мешок с красной землёй. Мешок выдохнул сизым дымом.

– Не могу я с вами. Нужно ещё много сделать, – Анна Констанция помолчала и добавила: – Чтобы открылась широкая дорога...

Она протянула руку в горловину мешка и сгребла там что-то в кулак. Потом вытянула руку вперёд и тряхнула её разок. Потом ещё раз.

Она ещё раз тряхнула кулаком и разжала пальцы. На морщинистой ладони лежал свежий, словно только что сорванный, цветок алого мака.

4. Как Цеся училась летать

1

Без Андруса в особняке сделалось на удивление пусто. Целестина могла бы и заскучать, если бы сразу за его исчезновением не последовал целый ворох событий.

Особняк генеральши Крашевской и без Андруса был странным местом. Целестина заметила это сразу.

Человек, который привык к квартирам в многоэтажных домах, мог сперва обмануться и принять его за ещё один особняк в колонии Нарутовича. Но Целестина росла в двухэтажном доме – только этот дом был деревенским и, что важнее, самым обычным. С загадками, но без странностей. Так что уже с первого дня, ещё до того, как столкнулась со странным, она поняла: особняк генеральши Крашевской – особенный.

Все знают, что большие особняки кажутся снаружи очень большими – а когда попадаешь внутрь (что мало кому удаётся), то оказывается, что внутри всё те же коридоры и комнаты, что и в квартирах многоквартирных домов. Этих коридоров и комнат не очень много, и все довольно тесные.

Но особняк генеральши был устроен хитрее. Укрытый садом, он казался снаружи не очень большим. Но уже на чёр-

но-белых, в шахматном порядке, плитках прихожей ты начал чувствовать, что попал в необычное место. Сразу понимаешь, что в этом доме много тайн. И тебе никогда не узнать все из них.

Да, комнаты и коридоры не очень велики. И кажутся ещё меньше, потому что заставлены мебелью из тяжёлого узорчатого дерева. Целестина знает, что дому не больше двух десятков лет, – но мебель всё равно ухитрилась состариться.

Даже сейчас, прожив в особняке почти год, Целестина не могла сказать, сколько именно в нём комнат и для чего служит каждая. И ещё что-то могло скрываться в тёмных углах тех комнат, что были вроде бы ей знакомы.

Даже собственная спальня немного смущала. Кровать была нормальной, даже без балдахина. А вот стол для занятий – из жёлтого ореха, с дубовыми накладками в виде рычащих львов. Львы были исполнены настолько виртуозно, что Целестине первое время было боязно за него садиться. За таким важным столом было в пору подписывать мирный договор, а не делать уроки.

А прямо напротив кровати стоял огромный платяной шкаф из морёного дуба, роскошный и мрачный, как жук. Было больно даже думать, как непросто затащить эдакую громадину на второй этаж.

Шкаф с лёгкостью проглотил всю одежду Целестины и даже кое-что из её личных вещей. В его нафталиновых недрах не нашлось ничего таинственного. Но стоило Целестине лечь

в кровать – и начинало казаться, что шкаф смотрит на неё, насмешливо и свысока. И продолжал глядеть, пока она не засыпала.

Но даже во сне шкаф не переставал на неё пялиться. Иногда Целестине снилось, что она заблудилась в лесу, долго блуждала и наконец выходила на опушку – но вместо деревни вдали или кого-нибудь из местных грибников её встречал тот самый шкаф. Наполовину увязший в земле, он стоял посреди поля с полуоткрытой дверкой.

Однажды он проплыл мимо неё по морю, суровый и значительный. А в одном сне на тему гимназии шкаф даже ухитрился проникнуть в историю польской литературы.

Ей предстояло написать сочинение о ранних годах Адама Мицкевича, до отъезда классика за границу. Листая во сне биографию великого поэта, Целестина узнала, что шкаф из её спальни прежде стоял в гостиной усадьбы Мицкевичей. Когда одному из трёх братьев чего-то хотелось, он забирался в шкаф и начинал тукаться головой. Эхо разносилось по всему деревянному дому, и домашние спешили на выручку.

Со временем шкаф пропал. В пропаже обвинили юную горничную. Горничная, вся красная, устроила истерику и убежала из поместья, не желая мириться с подобными обвинениями. Сейчас мир знает эту горничную как Марию Складовскую-Кюри.

Уже этого было достаточно для сочинения. Но потом по сюжету сна Целестина отправилась на учёбу. И по дороге в

гимназию её ждал ещё один сюрприз.

Возле православной церкви святого Николая, которая напротив гимназии, стоял смутно знакомый человек в длинном чёрном пальто и с необычайно отросшими чёрными кудрями. Человеку было где-то лет сорок, но в голубых глазах по-прежнему прыгали юные молнии.

Целестина узнала его только потому, что готовилась к сочинению и успела увидеть много портретов.

– Пан... Мицкевич? – только и смогла выдать гимназистка.

– Да, это я, – классик повернул к ней уже тронутое старостью, но по-прежнему худое и одухотворённое лицо с костлявым, длинным носом. – Вы представляете, ваш город привёл меня в поэтическое настроение. Под впечатлением от этого храма я сочинил целую балладу. Она называется «Вампир». Пани желает послушать?

К сожалению, на этом месте Целестина проснулась, и неизвестная баллада Мицкевича «Вампир» так и осталась утраченной для потомков.

Оно и понятно. Кто в наше время может знать наверняка, что именно происходит у него за шкафом?

2

Ещё с улицы Целестина заметила, что на втором этаже бабушкиного особняка есть два круглых окна. Как оказалось,

они располагались прямо напротив лестницы. Снаружи окна казались самыми обыкновенными – обычная рама, обычные стёкла. А круглыми их сделали, чтобы добавить особнячку арт-нуво.

Но однажды Целестина обнаружила, что с этими окнами не всё чисто. Она поднималась к себе после ужина, когда вдруг заметила, что в правом окне что-то движется.

Целестина присмотрелась. Кто-то шёл по коньку одного из двухэтажных домов на другой стороне улицы Люблинской унии. Чёрный силуэт удивительно чётко выделялся на фоне светлого летнего неба. Раз – и с лёгкостью перемахнул на соседнюю крышу. Простой человек так бы не смог.

Целестина вглядывалась во все глаза, прижавшись к стеклу носом. Но незнакомец уже уходил из поля зрения.

Девушка кинулась к соседнему окну – ничего. На том же самом месте – только чёрные силуэты крыш и равнодушное ночное небо.

Может быть, прыгнул на землю или затаился? А может, его можно было увидеть только в окно круглой формы? А может, это не человек, а призрак? Конечно, на призрака из английского романа он не похож. Но мало ли какие бывают призраки? Особенно здесь, на болотах. И, надо сказать, этот призрак показался ей очень милым.

С переполненной подобными размышлениями головой Целестина отправилась в спальню и очнулась только в тот момент, когда налетела всем телом на тот самый шкаф. Под-

жимая ноги под одеяло, она всё-таки приняла решение. Целестина решила спросить у бабушки.

Бабушка приходилась ей достаточно близкой роднёй, чтобы у них была одна фамилия, и достаточно дальней, чтобы до переезда Целестина ни разу про неё не слышала.

Генеральша Крашевская была достаточно образованна, чтобы знать разгадку. И достаточно умна, чтобы не выпрашивать и не болтать лишнего.

3

На завтрак был омлет, начинённый луком, обжаренными кабачками, кусочками колбасы на исполинской чугунной сковороде и посыпанный местным, «литвинским» сыром.

– Ты знаешь правила сервировки? – вдруг спросила бабушка.

– Ну... – Целестина читала пару романов из жизни высшего общества. – Красное вино – к мясу, белое – к рыбе!

– А к яичницам?

– Не знаю...

– К яичницам – шампанское!

И действительно, Бзур-Верещака уже вносил ведёрко с тёмной бутылкой, обложенной льдом.

Холодильники тогда были великой редкостью. Практически никому из обычных людей они были не по карману. Генеральша Крашевская, пожалуй, могла себе его позволить

– но у неё и в мыслях не было захламлять кухню подобной «новомодной дурницей».

Целестина подумала, что вкус, наверное, должен получиться очень специфическим. Но ей никто не предлагал и её мнения никто не спрашивал. Поэтому она решила подождать. А после первого бокала – решилась спросить:

– Бабушка, скажите, а у нас в городе есть призраки?

Пани генеральша нахмурилась. Но вилка с куском омлета продолжала движение.

– Должны быть, – ответила Анна Констанция. – В городе, говоришь?.. Скорее, они в крепости будут. Там и старый город был, и монастыри. Его перенесли сюда, когда крепость строили.

– Этот был в городе. Я видела его через круглое окно на втором этаже. Он шёл по крыше на той стороне улицы. Но когда я смотрела через другое окно, его уже не было.

– Да, через круглые окна всегда видишь больше. Именно поэтому окна обычно делают в виде прямоугольников. Нечего быдлу куда попало смотреть!

– А поэты живут на чердаках, потому что там окно круглое? – осведомилась Целестина.

– Да, возможно. Ты думаешь, этот призрак – поэт?

– Не знаю. Я просто его увидела. Скажите, что с этим мне делать?

– Никому про это не говори, – приказала генеральша.

Это было настолько неожиданно, что Целестина неволь-

но оглядела своих соседей по столу. Она ещё не привыкла к слугам, и ей казалось: она говорит всё равно что на публике.

– Вы думаете, девочки будут надо мной смеяться? – спросила она.

Бабушка отправила в рот очередной кусок яичницы. Прожевала, запила шампанским.

– Мне нет дела до твоих девочек, – произнесла Анна Констанция, – почти так же, как им нет дела до меня. Я уверена, что ты что-то видела. Что – предстоит узнать. Но сейчас такая эпоха, когда даже нам с тобой лучше не видеть того, что видеть не положено. Пойдут слухи. Доложат в комендатуру. Вызовут на допрос. Будут спрашивать: что за призрака ты видела? Не тот ли это призрак, который, по мнению партии, бродит по Европе – хотя эта шутка с бородой ещё больше, чем у самого товарища Энгельса... Ну и подумай: зачем тебе это надо? Призраки похожи на звёзды – их наблюдают долго, внимательно и в ночной тишине. Вот что я об этом думаю.

– Но что если я его больше не увижу.

– А зачем тебе так уж его видеть? – осведомилась генеральша. – Он тебе что – понравился? Обычно люди стараются держаться подальше от призраков. Если ты, конечно, сама не полутруп.

Целестина ощутила, что у неё предательски вспыхнули щёки.

– Ну... интересно же, – только и смогла выдавить девушка.

– Соглашусь, интересно, – вилка бабушки уже подцепила очередной кусок омлета. – И я тебе помогу.

4

Обедали, как положено, в столовой, на хрустящей скатерти и сверкающими серебряными ложками. Только уселись – и мордатый, с лихими шляхетскими усами на красном от кухонного жара лице Алесь Бзур-Верещака уже вносит суп-крупник, рубленые котлеты и немислимо длинные огурцы на закуску.

Конечно, хозяйство Крашевских было слишком невелико, чтобы содержать отдельного повара. Даже если никто из домашних не желал готовить, хватило бы и обычно приходящей кухарки, чтобы накормить всех слуг. Её хватило бы даже, чтобы приготовить на всех гостей в тот знаменательный день, когда пани генеральше будут нужны уже настоящие похороны.

Но генеральша Крашевская жила по-старинному, денег не считала и умирать не спешила. К тому же, повар её развлекал.

Целестине тоже было с ним весело. Его кухня ей тоже нравилась – это было куда вкусней, чем у родителей. Ей немного нравилось даже его ворчание.

А ещё ей понравилось происшествие этой зимы. Бзур-Верещака узнал от мясника, что в ресторане «Белая Русь» по-

вар использует эстонский разрыхлитель, нарезает мясо вдоль волокон и стряпает ещё какую-то несуразицу, а называет это «народной кухней». Возмущённый кухмистер вспомнил, что он потомок литвинских рыцарей, и немедленно отправился в этот вертеп кулинарного разврата. Прошествовал через банкетный зал (посетители решили, что это этнографическая постановка), вошёл на кухню и потребовал к себе самого главного повара. Потому что этот повар – неправ!

...Но никакого главного повара там не оказалось. Вместо него были помощники, которые и объяснили, что главный повар на кухне упразднён. Каждый готовит теперь сам, как привык и как бог на душу положит. Чтобы получилась настоящая народная кухня.

– Это вы у красных этому научились? – сурово спросил Бзур-Верещака.

– Нет, сами придумали. Никто не жаловался пока.

Домой потомок литвинских рыцарей вернулся понурый, и даже его знаменитые усы обвисли.

– Теперь уже на кухне большевизм, – возмущался он за столом ближайшего ужина.

– В каком смысле? – спросила Целестина. – Там вся еда теперь красная?

– Там вся еда теперь партийная! – говорил он. – А это похлеще, чем проверка на кошерность. Никакого начальства, одни советы. Ты просто не понимаешь, насколько важна для большевиков – партия! Партия из большевиков состоит, и

она же за них всё решает. Вообще, наш век – это век партий. Это страшно, конечно. Непонятно, с кем бороться, кто виноват. Партия решила – всё, будет делать, и никак ты этот холодец ползучий не остановишь. Она тянет к тебе руки, и, сколько их ни руби, голову не отрубишь. Просто не власть, а холодец! И в этом холодце кто угодно завязнет. Ох, горе нам, что с ними будет. Понаставят фабрик-кухонь и пустят нас всех на гуляш!

– Может быть, они так защищаются? – предположила Целестина, невольно косясь на бабушку.

Пани генеральша смотрела всё так же невозмутимо, без тени испуга – но было заметно, что она стремится не пропустить ни слова в рассуждениях шляхетного повара.

– Раз у партии нет головы – то ей и отрубить нечего, – продолжила Целестина. – Хитрая стратегия, очень эффективная, – на этом месте у неё в памяти всплыли воспоминания с урока истории. – Коммунисты научились, я думаю, у казаков. Казаки тоже нарочно гетманов из разных семей выбирали, чтобы с правящей династией никто не мог ни расправиться, ни породниться.

– А если они сюда придут? – продолжал возмущаться Бзур-Верещака. – В наш дом, на мою кухню. Да, если они сюда придут... то никто и не заметит! Сделают вид, – в его голосе уже звенели слезы, – что ничего не случилось. Будут есть что дают!

И вот неделю назад в город вошли немцы. Велели сохра-

нять порядок. И порядок был – горожане ели то, что дают.

Когда Бзур-Верещака понял, что его пророчество сбылось, он схватился за голову – но это тоже не помогло.

А потом сбылась и вторая часть пророчества – пришли большевики. И теперь у Бзур-Верещаки был ещё один повод для ворчания и мрачных прогнозов.

– Кончат они нас, вот увидите, – бормотал он, расставляя тарелки. – Скажут, что нечего в красивых домах жить. Это, скажут, раздражает всех рабочих лесопильного завода.

Старая генеральша вместо ответа повернулась к внучке.

– Твой призрак больше не появлялся? – спросила она.

– Нет, – Целестина дула на суповую ложку. – Я думаю, призраки только ночью приходят.

– Призраки – они разные, – со знанием дела произнесла генеральша, а потом показала, чтобы ей подали ещё вишнёвой настойки. Пока сверкающий хрустальный графин путешествовал над столом, она повернулась к Целестине и спросила: – Так что там с твоими призраками?

Девушка нахмурилась.

– Ну, я его раньше видела, – произнесла она, – а теперь не вижу. Собственно, всё. Наверное, если он и появляется, то в то время, когда я не смотрю.

– Призраки просто так не приходят, – сказала бабушка. – Завтра я научу тебя, как можно его поймать.

Как ни странно, но молчать о призраке оказалось почти так же интересно, как было бы о нём говорить. Так что тот учебный день стал одним из самых примечательных за все годы в гимназии. Настолько странный день, что она даже не запомнила, о чём говорили на уроках.

К тому же, Цеся увидела призрака только мельком. Так что рассказывать пока было толком нечего, а сочинять не хотелось. Почему-то сочинять о призраке – казалось неуважением к бабушке.

К тому же, Цеся увидела призрака только мельком. Так что рассказывать пока было толком нечего, а сочинять не хотелось. Почему-то сочинять о призраке – казалось неуважением к бабушке.

Когда Целестина вернулась домой, дом был погружён в полумрак, а за закрытыми дверями лаборатории слышалось бульканье. Казалось, работает насос, огромный и невидимый.

Но когда Целестина вошла, никакого насоса там не было. Бабушка, как и прежде, сидела на своём кресле с распахнутым фолиантом на коленях и, прикрыв веки, посасывала кальян. От фолианта почему-то пахло сухими апельсиновыми корками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.